

Дмитрий АГАЛАКОВ

АКВИТАНСКАЯ ЛЬВИЦА

Дмитрий Агалаков

Аквитанская львица

«ВЕЧЕ»

2013

Агалаков Д. В.

Аквитанская львица / Д. В. Агалаков — «ВЕЧЕ», 2013

Новый исторический роман Дмитрия Агалакова посвящен самой известной и блистательной королеве западноевропейского Средневековья – Алиеноре Аквитанской. Вся жизнь этой королевы – одно большое приключение. Благодаря пылкому нраву и двум замужествам она умудрилась дать наследников и французской, и английской короне. Ее сыном был легендарный король Англии Ричард Львиное Сердце, а правнуком – самый почитаемый король Франции, Людовик Святой. Роман охватывает ранний и самый яркий период жизни Алиеноры, когда она была женой короля Франции Людовика Седьмого. Именно этой супружеской паре принадлежит инициатива Второго крестового похода, в котором Алиенора принимала участие вместе с мужем. Политические авантюры, посещение крестоносцами столицы мира Константинополя, поход в Святую землю за Гробом Господним, битвы с сарацинами и самый скандальный любовный роман, взволновавший Средневековье, раскроют для читателя образ «аквитанской львицы» на фоне великих событий XII века, разворачивающихся на обширной территории от Англии до Палестины.

© Агалаков Д. В., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Об авторе	6
Вступление	8
Пролог	9
Часть первая. Блистательная и опасная	11
Глава первая. Месть черного кабана	11
Глава вторая. Север и юг	18
Глава третья. Игры юности	26
Часть вторая. Манящая звезда Востока	48
Глава первая. Папская булла	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Агалаков

Аквитанская львица

© Агалаков Д. В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Современный русский писатель Дмитрий Валентинович Агалаков родился в 1966 году в Самаре. Еще с детства будущего писателя неукротимо влекло к изобразительному искусству – в первую очередь к рисованию и лепке. Этому была причина – в роду были иконописцы, странствующие по русскому Северу и Уралу, и эта линия уходила в глубину веков. И Дмитрия отдали в художественную школу. После восьмого класса общеобразовательной школы Дмитрий Агалаков поступил в художественное училище, которое и закончил по специальности «художественное оформление». Затем была служба в Советской Армии, откуда Дмитрий вернулся в чине младшего сержанта и с удостоверением командира БМП (боевой машины пехоты). И тут, в двадцать лет, судьба Дмитрия Агалакова круто изменилась. Родители – врачи-невропатологи и художники-любители – видели в нем только живописца или скульптора, но однажды вошли в его комнату на стук печатной машинки. «Что это?» – спросили они. И Дмитрий ответил: «Я не буду художником – я стану писателем». Но пока это был только оклик его музы! Только высокая мечта!

Дмитрий поступил на рабфак Самарского университета, на филологию, но, закончив его, резко изменил решение и успешно сдал экзамены на факультет театральной режиссуры Самарской академии культуры. Диплом режиссера он получит много позже, потому что ненасытная и жадная до всего нового писательская натура толкала его в разные профессии. Будут четыре года на филологии в госуниверситете, два года на этнографии в Академии культуры. Попутно Дмитрий будет работать и художником-иллюстратором, оформит первые вышедшие в России книги «Рэмбо» и «Терминатор». С двадцати одного года Дмитрий Агалаков пошел в журналистику – она станет для него еще одной профессией на всю жизнь. Дмитрий прошел все профессиональные ступени в газетах и журналах – работал репортером, корреспондентом, обозревателем, начальником отдела, выпускающим редактором, ответственным секретарем, замом главного редактора и главным редактором в различных изданиях. Сотни статей и очерков вышли из-под его пера. Много лет Дмитрий Агалаков отдал отраслевой журналистике – он работал редактором газеты «Самаратрансгаз», а позже редактором трех изданий корпорации «ЛУКОЙЛ-Волга» (журнала, газеты и альманаха), а также был замом генерального директора издательства РОСИНГ (Российское общество инженеров нефти и газа). Объездил в командировках половину российских нефтяных месторождений.

В 2000 году Дмитрий поступил на Высшие литературные курсы им. Горького при Литературном институте на факультет прозы и тогда же попал в обиход авторов издательства «Вече». В 2002 году на Международной книжной ярмарке на ВВЦ Дмитрий представлял издательство двумя книгами – «Империя черной королевы» и «Сокровище князей Белецких». С тех пор практически ежегодно выходят новые романы Дмитрия Агалакова в различных жанрах – детектив, фантастика, мистика, приключения. Немало уже написано книг и в жанре исторического романа. Здесь и русская история («Воевода Дикого поля», «Солдаты эры Водолея», «Волжский рубеж»), и история зарубежная («Аквитанская львица», диалогия о Жанне д'Арк – «Принцесса крови» и «Полет Орлицы»). Вернувшись после окончания ВЛК в Самару, Дмитрий основал в родном городе серию «ЛСК» («Лидеры самарского края») по образу и подобию «ЖЗЛ». В этой серии стали выходить его романы о крупных исторических личностях старой, еще дореволюционной Самары, оставивших заметный след в истории всей России. Дмитрий неоднократно получал губернские гранты в области культуры. В 2009 году Думой городского округа Самары за роман «Князь Григорий Засекин» Дмитрий Агалаков награжден почетной грамотой «За заслуги перед городским сообществом». Этот же роман недавно был переведен в аудиоформат для школ слепых России.

В данный момент Дмитрий Агалаков готовит к изданию в серии «ЛСК» романы «Отец Самарской губернии. Константин Грот» и «Константин Головкин». Все свои самарские издания Дмитрий оформляет сам.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ДМИТРИЯ АГАЛАКОВА

- «Принцесса крови» (2006)
- «Полет Орлицы» (2007)
- «Воевода Дикого поля» (2009)
- «Солдаты эры Водолея» (2010)
- «Пантера Людвига Оппенгейма» (2011)
- «Волжский рубеж» (2013)
- «Аквитанская львица» (2013)

Вступление

Вы, угнетатели сирот и вдов, убийцы, осквернители храмов, грабители чужого достояния, вы, которых нанимают для того, чтобы проливать христианскую кровь, вы, которых так же, как коршунов, влечет к себе запах поля битвы, – спешите, если вам только дорого спасение души вашей, стать под начало Христа на защиту Иерусалима! Восстаньте же и обратите свое оружие, обогренное кровью ваших братьев, против врагов христианской веры! Повинные в преступлениях, лишаящих вас Царствия Небесного, искупите их этой ценою, потому что такова воля Господа! Идите в Иерусалим и добудьте Гроб Господень! Так хочет Бог!

Из речи папы римского Урбана Второго, инициатора Первого крестового похода, прочитанной на Клермонском соборе перед европейским рыцарством 18 ноября 1095 года

Пролог

Несокрушимой грозой Европа двигалась на восток. Ощетинившись копьями, вооружившись мечами, она вновь шла ко Гробу Господню. Ее целью были Иерусалим, Эдесса, Антиохия, Яффа, Дамаск, Триполи, Акра и другие города Святой земли. К одним она спешила на помощь, дабы укрепить их в борьбе с магометанами, за других хотела жестоко отомстить и восстановить справедливость, третьих – бесцеремонно разграбить и установить в них владычество христианского Запада.

Начинался Второй крестовый поход...

Но он совсем не походил на предыдущий. Каким необычным он был! По пышности с ним не сравнится ни один самый роскошный карнавал! Точно Жар-птица летела на восток. Десятки тысяч рыцарей, оруженосцев и сержантов, вооруженных с головы до ног, казались всего лишь свитой. Да-да, свитой! Потому что они сопровождали великую процессию из армии тысяч разнаряженных женщин – аристократок, фрейлин и служанок. А заодно и сотен музыкантов, которые услаждали слух требовательных дам, охочих до всего изысканного и веселого. А прекрасные дамы, разодетые в цветные одежды, привезенные из Византии и Венеции, Флоренции и Милана, амазонками сидели на парадных скакунах своих любовников и мужей. Могучим потоком двигались дорогие повозки, каждая из которых представляла собой будуар сиятельной герцогини, купальню маркизы или спальню баронессы. Днем огнями расцветали на дорогах молодой Европы дорогие ткани – парча и муар, газ и атлас, узорчатые шелка. И молниями носились через ряды гордых дворян, закованных в кольчужный доспех, хохочущие женщины. Каждая желала преуспеть в главном предназначении своего пола – быть прекрасной, ослепительной, неотразимой! С какой неосмотрительной легкостью искушали они своим обществом мужественных героев, чьи плащи украшали суровые кроваво-алые кресты пилигримов!

А только спускалась ночь и разбивались лагерь, растягиваясь на многие лье, вот когда начиналась жизнь! Разгорались костры, и под аккомпанемент виол, флейт и тамбуринов запевали песни менестрели. Они пели о героях былых столетий и прекрасных дамах, ради которых те совершали подвиги. Жонглеры, эти фавны Средних веков, давали импровизированные спектакли. Рекой разливались южные французские вина. А потом лагерь клонился ко сну. И вот тут было не до покоя! Каждого ожидала награда: сеньора – прекрасная дама, оруженосца – ее фрейлина, сержантов и солдат – камеристки и прачки. Приглушенный смех и шепот будоражили ночь. Тысячи теней скользили от шатра к шатру – распахивались и закрывались пологи. И звезды смотрели вниз, и луна покрывала ярким серебром ожившие пестрые шатры. Только священники, сопровождавшие воинов, пытались заснуть. Они закрывали уши, чтобы не слышать один волнующий и трепетный гул любви – голос жизни.

Воистину это было великое путешествие!

А затем разноцветный и шумный поток покинул земли Франции и Венгрии, миновал Болгарию, пересек Босфор с великим Константинополем и вышел на равнины Малой Азии.

Цель казалась близка!

И вот уже с первыми фрейлинами королевского двора неслась королева Алиенора впереди войска. Мчалась по равнинам долгожданной Азии, под ее палящим солнцем. Эти женщины были молоды и бесстыдны. Им принадлежал мир! Они пренебрегли дорогими платьями – обнажили плечи и грудь и с луками наперевес устроили скачки. Огненно хрипел под Алиенорой белый жеребец, и она, вырвавшись вперед, смеялась, оглядываясь на подруг. Она всегда и во всем была первой. Самой сильной, самой упрямой. Алиенора ничего не боялась – она любила жизнь со страстью юной львицы, для которой не существовало никаких преград.

Ей было двадцать пять лет...

С присущим молодости и власти безрассудством, это она затеяла невиданный ранее карнавал. Страстью и легкомысленностью вдохновила своих подданных на великое и пышное действо. Это ее уговорам поддался до отчаяния влюбленный муж, король Франции Людовик Седьмой, благодаривший Создателя за то, что Он дал ему в жены богиню, и боявшийся этого дара...

Часть первая. Блистательная и опасная

Глава первая. Месть черного кабана

1

Герцог Аквитании весь горел – шелковое белье под зеленым кафтаном взмокло от часовой скачки по весенним полям и предчувствия неминуемой битвы. Вдалеке трубили охотничьи рога, острый запах гниющей прошлогодней листвы шел из оврага...

На герцога наступал огромный черный кабан – гора мускулов, пучок тупой силы и ярости. Животное хрипело так, словно только что вырвалось из преисподней. От горячего рыла шел пар. Два желтых клыка, как ножи, торчали вперед. Но и сам охотник был не промах – в руках он держал широкое древко с отточенной стальной рогатиной.

Разойтись на узкой лесной тропе они уже не могли...

А потом, вырывая копытами клубки земли, вепрь бросился на него со всей стремительной и смертоносной силой. Герцог не сумел сдержать этот штормовой порыв. Сухой треск и звериный крик оглушили его. Ударом охотника отбросило назад, но он быстро вскочил на ноги. В руках герцог держал обломок рогатины – сталь разорвала кабана грудь и осталась там. Но сердце его билось, и теперь удар был за черным хозяином здешнего леса. Герцог едва успел вырвать из ножен охотничий кинжал и выставить его вперед. Хрупкая защита! В новом рывке раненый кабан подмял его под себя – и в нос охотнику ударил запах горячей звериной шкуры, свежей крови и зловонного дыхания зверя. Черные глаза сверкнули над ним, а два клыка уже целились ему в грудь. И когда боль обожгла его, он закричал – громко и страшно...

Гильом Аквитанский рывком сел на постели – его богатырская грудь, покрытая волосами, вздымалась. По лицу катился пот – в неярком свете каминного огня капли сверкали в бровях и короткой светлой бороде. Он дышал тяжело, тупо глядя на угли, жарко тлевшие в гигантском камине. Две обнаженные молодые женщины, еще минуту назад тесно оплетавшие ногами и руками герцога, теперь сидели по обе стороны большой постели, над которой нависал тяжелый балдахин. Глядя на хозяина, они испуганно хлопали глазами.

– Что с вами, сир Гильом? – спросила одна из них.

Другая осторожно коснулась руки гиганта:

– Сир Гильом...

Но он лишь отер рукой пот с лица и взглянул на ладонь – она была мокрой. Рыло черного кабана все еще нависало над ним – и он чувствовал зловоние его пасти.

В дверь забарабанили.

– Ваше высочество! – закричали там. – Что с вами, ваше высочество?!

Женщины посмотрели на дверь, с тревогой взглянули на хозяина. Движение за дверью только нарастало.

– Все хорошо, Жан! – хриплым голосом отозвался гигант. – Все хорошо. Ко мне во сне приходил дьявол, но я протаранил его рогатиной! Ступай же, ступай...

Прислуга за дверью успокоилась: раз хозяин шутит, значит, все в порядке.

– Принесите вина, – приказал герцог.

Одна из женщин вперед другой соскочила с постели; у стола, где были остатки ужина – хлеб и распотрошенные перепела, наполнила кубок темным вином и поднесла хозяину. Он принял его и выпил до дна. Хлопнул широкой ладонью по голой женской ляжке.

– А теперь уходите к себе, – сказал Гильом служанкам. – Обе. Живее.

Стараясь быть расторопной, вторая тоже сбросила ноги с постели. Прихватив платья, женщины ушли через заднюю дверь.

Этот сон повторился, и когда? За несколько часов до самой долгожданной охоты в его жизни! Герцог лег на подушки и еще долго смотрел в потолок – черный вебрь никак не желал таять в его воображении и все стоял на той лесной тропе, нацелив на противника клыки и ожидая битвы...

2

Долгожданная охота начиналась ранним весенним утром. Солнце еще пряталось за холмами, и вся округа была окутана прозрачной голубоватой дымкой. Мрачный провинциальный замок в предместьях Бордо, давший приют охотникам, серой скалой с темными башнями поднимался в окружении еще голых олив и виноградников, дремлющих кипарисов. Было прохладно. Ветер обрывками долетал сюда со стороны Гаронны.

Мост опустился над крепостным рвом, отворились ворота. И около полусотни дворян, под завязку экипированные для охоты, прищипорили лошадей. Кавалькада дружно выкатилась на пропитанные влагой луга. За сеньорами следовали егеря и прислуга. Трубили рога, армия охотников собиралась у ближнего леса, и полчища собак, предвкушая кровавую забаву, оглушали всю округу пронзительным лаем. Одетые в пестрые кафтаны, в шапочках с перьями, дворяне всех возрастов радостно гудели – им предстоял настоящий бой!

И противник у них был что надо!

Процессию возглавлял великолепный Гильом, тридцативосьмилетний гигант, десятый герцог Аквитании и девятый граф Пуатье, один из самых богатых сюзеренов Европы. Сдерживая коня, он оглядывал спутников и приглаживал коротко стриженную бороду. В глазах герцога блестел звериный огонек. Помимо лука, дротиков и ножа у его седла крепко держалась прихваченная кожаным ремнем устрашающая рогатина – раздвоенная стальная пика на тяжелом древке. Еще с вечера егеря донесли герцогу, что наконец-таки выследили кабана-трехлетку – настоящего вепря из легенды. Этот будет биться не хуже самого отважного сарацина – чистый дьявол! Гильом Аквитанский, сын знаменитого Гильома Трубадура – короля поэтов¹, радовался предстоящей схватке как ребенок. В охоте принимали участие вассалы герцога из ближних провинций. Каждому хотелось поскорее броситься в бой – стать правой рукой герцога в этой битве.

А еще – заслужить внимание прекрасной юной особы...

Рядом с отцом, в коротком изумрудном кафтане и плаще, подбитом мехом, в шосссах в обтяжку и черных кожаных сапожках, ехала девушка, совсем юная, но гордо и по-хозяйски глядевшая перед собой. Алиенора привлекала внимание всех мужчин: белая кожа, сияющие синие глаза, крутой излом бровей, по-девичьи алые губы. Золотисто-каштановые волосы ее были заправлены под малиновый берет с тремя страусовыми перьями. Осиную талию юной герцогини охватывал широкий кожаный ремень с длинным охотничьим кинжалом у правого бедра. На груди, как и у всех охотников, висел рог, за спиной был лук, у седла – колчан со стрелами. Девушке едва исполнилось пятнадцать лет, но в седле она сидела не хуже самого бравого оруженосца.

Гильом поднял руку, и зычный вой охотничьих рогов выстрелил в чистое весеннее небо. Вспорхнули с голых деревьев редкие птицы. Все ждали этого сигнала и были готовы к нему.

¹ Гильом IX по прозвищу Трубадур (1071–1127), девятый герцог Аквитании, восьмой граф Пуатье, отважный и безрассудный рыцарь, часто ссорившийся с церковью. Один из вождей стихийного крестового похода 1101 года. Родоначальник куртуазной поэзии трубадуров Южной Франции.

Целая армия псов хрипела, предчувствуя драку, не находила себе места. Борзым хотелось поскорее пересечь поле. Враг ждал их там – за далеким перелеском.

– Милая герцогиня, – обратился отец к дочери, – надеюсь, вы уяснили, как себя вести? Только смотреть и не приближаться! Это не куропаток бить!

– Да, отец, – кивнула девушка.

Юной герцогине позволялось многое: на то была причина, и не из веселых. Шесть лет назад Гильом потерял единственного сына Эгре, и теперь Алиенора, старшая из дочерей, стала наследницей великих земель. Девушке разрешались мальчишеские забавы – поединки и охоты. Она росла маленькой южанкой-Артемидой.

– А вы, де Ранкон, отвечаете за нее головой! – обратился Гильом к молодому человеку в изумрудном кафтане. – Ясно?

– Жизнь отдам за вашу дочь, сир Гильом, – поклонился тот.

Девушка и молодой человек переглянулись. Алиенора прятала улыбку. Было видно, что их связывает давняя дружба.

Сурово оглядев армию охотников, герцог с азартом выкрикнул:

– Вперед!

Охотники двинулись. Черный кабан, крупный трехлеток, еще ничего не ведал о приближении своих врагов – животное пряталось в маленьком лесочке, который через несколько минут должна была взять в кольцо вооруженная кавалькада. Кони поспешали рысцой, но, с каждой секундой набирая темп, готовы были по команде сорваться в галоп. Утренняя свежесть наполняла легкие, сладко ранила их. А предчувствие погони, боя и крови заставляло всех дышать глубже, наслаждаться каждым мгновением.

– Вы будете послушной, моя герцогиня? – набирая темп, на скаку выкрикнул в сторону девушки Жоффруа де Ранкон, получивший от дам Аквитании прозвище «красавчик».

– Как бы не так! – весело ответила она.

Замок остался позади, на холме. Легкий туман еще окутывал его подножие. Подвесной мост был опущен. А вокруг девушки уже шла настоящая скачка. Все колыхалось, опережало друг друга, пестрило. Храпящие лошади, взлетающие копыта; зеленые кафтаны, низкие шапочки, задорно украшенные перьями, устремленные вперед лица. Улюлюканье охотников заводило, заставляло закипать кровь, и Алиенора тоже закричала в полный голос, бросая вызов грозному зверю.

Охотники стремительно неслись по полю – кони давно перешли в отчаянный галоп.

И вот, ломая сучья деревьев, кавалькада атаковала лес. Белыми, пегими, рыжими молниями собаки метнулись через первые голые кусты, опережая всадников. Пустой лес зазвенел от собачьего лая и голосов охотников, которые выглядывали долгожданную добычу.

– Он у старого оврага, ваша светлость! Там его логово! – крикнул справа от герцога один из его егерей.

– Трубите! – прокричал Гильом. – Что есть силы трубите!

Лавина охотников – знатных баронов и простых рыцарей, оруженосцев, пажей, егерей – стремительно катилась вперед. Деревья уже редели на глазах, а впереди открывалась низина, где черной глубокой морщиной пролегал заросший голым кустарником овраг, тянувшийся на добрых четверть лье...

Тогда, в этой морщине, все охотники и увидели движение – бурелом и черные кусты заходили волнами, точно там, в глубине, в пучине, ожило неведомое чудовище и вот-вот поднимется, покажет себя. Охотники, точно замороженные, еще следили за движением в овраге, а борзые уже сорвались, опережая друг друга, вниз. А следом из кустов, ломая ветви, вылетел огромный кабан – черный, хрипящий – и, загребая копытами, помчался от своих преследователей.

Собаки бросились напролом, но для охотников это был рискованный путь. Зато чуть левее открывался проход через овраг – в него и устремились герцог и вся его рать.

Вырвавшись из леса, охотники сразу увидели далеко впереди стаю псов и улепетывающего вепря. Одна из борзых догоняла его, пыталась ухватить за бок, как могла, яростно кусала зверя. Вот кабан развернулся, метнулся в сторону – удар. Борзая подлетела в воздух, точно перышко, и рухнула с разорванным брюхом на землю.

Ей оставалось истекать кровью...

Летя во весь опор, охотники догоняли последних собак. А первые из них, опережая друг друга, вновь цепляли своего врага. Неожиданно кабан сменил направление – он что есть мочи побежал влево.

– Разрази меня гром, – рявкнул своим егерям герцог, – он бежит к реке!

Кавалькада замешкалась. Охотники, придерживая лошадей, еще срезали свой путь, расхаживали веером, а борзые, мгновенно распознав ход кабана, ровной лавиной устремились за ним.

Две из них, самые выносливые, атаковали вепря. Одна в прыжке разорвала ему ухо, другая вырвала с мясом клочок шерсти из лопатки. Они жалили его, точно слепни. В какой-то момент, вырвав кусок земли копытами, кабан врос в землю. Первая собака сразу налетела на его клыки, взметнулась вверх, брызнув кровью, замертво рухнула на землю. Вторую немедленно постигла та же участь.

Но смерть первых преследователей только разбередила охотничий дух борзых. И грозный кабан видел это. С разодранными в кровь боками и оттяпанным правым ухом он летел прямо к реке – небольшому притоку Гаронны.

Еще один пес, желавший впиться кабану в ляжку, получил задними копытами точный удар по морде и с визгом отлетел назад.

От стремительного бега взмыленного коня земля прыгала у Алиеноры перед глазами. Жоффруа де Ранкон, едва поспевая за ней, то и дело поглядывал на принцессу. Никто не ожидал, что кабан окажется таким прытким, а сама охота превратится в бешеную скачку, в которой любой из преследователей, окажись он неловким, мог запросто сломать себе шею.

Раз попав в поле зрения, лента реки больше не исчезала. Стесненная двумя пологими берегами, синяя полоса приближалась, становилась шире. Уже были видны рябь от пробегавшего по ее поверхности легкого ветерка, прибрежные кусты. Теперь вся надежда была на собак, что они нырнут вместе с кабаном в холодную речную синь и там остановят его.

Так и случилось: кабан, всей массой взорвав прибрежную гладь, взволновав всю реку, устремился к противоположному берегу. Но на животном, которое никак не желало сдаваться, к тому времени сидел один из псов. Оседлав чудовище, борзая успела вцепиться ему в загривок. Кабан не знал, плыть ему или драться. И только преодолев треть расстояния с ездоком на спине, что нагло брал его крепость штурмом, кабан яростно забился. А к тому времени добрая половина борзых, наиболее резвых, уже окружала их в воде, и каждая пыталась дотянуться до взбешенного чудовища.

Охотники почти одновременно оказались на пологом берегу.

– Вода еще холодна, ваше высочество! – крикнул один из дворян. – Он того не стоит!

Но герцог только гневно оглянулся на осторожного спутника:

– Будь я проклят, если это остановит меня!

Никто не осмелился остаться на этом берегу. Вода закипела под копытами лошадей, разгоряченных, залетевших в холодную весеннюю воду.

– Я не пушу вас туда! – изо всех сил завопил Жоффруа де Ранкон, пытаясь перехватить уздечку Алиеноры. – К черту кабана – это опасно!

– Куда вы денетесь! – яростно бросила девушка, пришпоривая лошадь и опережая его.

– Вы простудитесь, заболите и умрете! – зло выкрикнул он. – И мне придется умереть вместе с вами – и вы знаете почему!

Ей ли было не знать! Все молодые дворяне Аквитании были влюблены в принцессу!

Алиенора обернулась.

– Конечно, умрете! – выпалила она с издевкой. – Иначе мой отец вызовет вас на поединок и прикончит!

К тому времени кабан успел избавиться от непрошеного ездока, сбросив борзую, разорвав зубами шею норовистой собаке и оставив ее тонуть. Отбиваясь, он плыл к тому берегу. Но сражение в воде было хорошей форой для охотников. Эти минуты вновь вдохнули в их сердца надежду на скорую победу.

– Рвите его, черти! – орал во всю глотку своим верным псам Гильом Аквитанский. – На части рвите!

Бароны и егеря, поторапливая лошадей в холодной воде, были на середине реки, когда кабан выскочил из воды на том берегу. Но он и не подумал бежать, поджав хвост. У него тоже была фора. Первых двух собак он поднял на клыки и раскидал в стороны. Несмотря на раны, мгновенно прикончил еще двух. И только потом, выбрасывая из-под задних копыт песок, бросился по крутому склону наверх. Две стрелы, пущенные охотниками, угодили в его следы.

Через минуту погоня вновь продолжалась на суше. Но ряды преследователей поредели. Лошади многих охотников подустали, да и половина собак выбилась из сил. Никто не предполагал, что битва перенесется на другой берег реки.

Кабан мчался к лесу, но тот был далек. Всю местность покрывали пологие холмы и перелески. Опасному, но уже утомленному беглецу хватило сообразительности воспользоваться причудами ландшафта. Он петлял среди холмов и деревьев, путал следы. Охотники быстро терялись на этом берегу. Только самым неутомимым борзым еще удавалось преследовать зверя.

Алиенора видела, как ее отец, а вместе с ним один из молодых оруженосцев, Жервэ, неожиданно срезав путь, устремились вправо по опушке леса и, повернув, скоро исчезли за деревьями.

Не раздумывая, девушка помчалась за отцом. Жоффруа де Ранкон уже потерял ее. Крики охотников и лай собак остались слева. Алиенора проскакала еще футов пятьсот и разом остановила коня...

Впереди, на пространстве, частично укрытом деревьями, открывался длинный, в форме полумесяца, овраг. Но эта гигантская морщина была глубокой и обрывистой – настоящая западня. Алиенора увидела черного вепря с высоты холма. Две истекавшие кровью собаки лежали рядом с ним. У кабана, обложенного со всех сторон, был выбор: броситься в овраг и дожидаться, когда его забьют в этой яме, или метнуться резко вправо. Ослепленное яростью и страхом животное так и поступило – грозным рывком повернуло на охотников.

Жервэ первым вылетел на него из-за холма. От неожиданности лошадь его встала на дыбы и, перед тем как быть сбитой кабаном, сбросила седока, а потом всей тяжестью привалила хозяина. Клыки разъяренного чудовища, решившего добить врага, угодили в брюхо лошади, вырвав у нее кишки, распотрошив ее, но кабану этого показалось мало. Рядом был еще кто-то, возившийся, неистово пытающийся освободиться. Второй удар кабана пришелся на человека. Как ножи – кожаный доспех, клыки животного прошили спину молодого человека, который пытался увернуться от удара, выдернули его из-под лошади и отбросили в сторону.

Все произошло в считанные мгновения. Свидетелем трагедии стали одновременно двое – герцог Гильом Аквитанский и его дочь Алиенора. Конь принцессы врос в землю, она не могла даже пошевелиться. Трагедия ошеломила ее. Спрыгнув с лошади и сбросив плащ, ее отец уже вытягивал рогатину, пристегнутую ремнями к седлу.

– Прочь! – крикнул герцог своей лошади. Он больно ударил ее рогатиной по крупу. – Прочь!

Алиенора очнулась. Пришпорив коня, помчавшись наперерез кабану, она спешно доставала из-за спины лук.

– Алиенора, нет! – Рука герцога издали остановила ее. – Нет, не приближайся! Если он пойдет на тебя, я не смогу помочь!

Стальная рогатина, нанизанная на толстое древко, смотрела вперед. Ярость зверя граничила с иступлением. Кажется, он понял, что исхода ему не будет, пока хотя бы один из врагов останется жив. И теперь нужно не защищаться, а нападать. Рвать всех и каждого, кто встретится на пути.

Кабан сорвался с места и полетел на герцога, готового к поединку. Недавний сон одной вспышкой вернулся к охотнику – рыло и клыки вепря над его грудью, черные глаза беглеца из ада, зловоние...

– О господи... – прошептал он.

Измученное погоней и борьбой животное уже не имело сил маневрировать, как прежде. И кабан пошел в лобовую атаку – всей массой он налетел на врага, но герцог успел шагнуть в сторону. Когда стальная рогатина вошла в короткую шею вепря, древко сломалось. От удара Гильома Аквитанского отбросило. Но вскочил он почти мгновенно, выхватив из ножен кинжал, и уже дожидался повторной атаки. Пот катил по лицу герцога, застилал глаза. Стремительно утершись рукавом кафтана, он следил за каждым движением раненого животного.

Хрипя, с рогатиной в шее, кабан шагнул в сторону герцога. Тот отступил. Вновь холодом потянуло на Гильома – холодом недавнего сна. Кабан сделал еще один шаг и стал собираться в смертоносную пружину.

Неожиданно прозвенела стрела – и пружина разом ослабла. Герцог обернулся. На холме стояла его дочь, держа в руках лук. Бледная, собранная. Гильом взглянул на кабана – вепрь покачнулся, сделал еще один шаг и грузно повалился на тропинку.

Стрела поразила его точно в сердце.

Держа коня под уздцы, Алиенора двинулась к отцу.

– Ты смелая девочка, я горжусь тобой, – благодарно сказал Гильом. Он прижал дочь к себе, поцеловал в лоб. Ее губы дрожали; пальцы руки, сжимавшей лук, побелели и не слушались. – Спасибо. – В который раз герцог утер рукавом камзола разгоряченное лицо. – Клянусь Богом, никогда не терял на охоте столько собак!

Но взгляд Алиеноры с глазами, полными слез, так и тянулся в сторону. Туда же посмотрел и герцог, печально кивнул:

– Бедный Жервэ...

Растерзанное тело оруженосца Гильом сам укрыл плащом, прочитал короткую молитву. А по холмам уже аукалось разноголосое эхо охотничьих рогов...

Часа через два собравшиеся охотники отогревались у костров и пили горячее вино. По ходу были подбиты три оленя и много птицы. Оставалось послать за лодками в ближние селения. Нечего было понапрасну лезть в ледяную воду – искушать судьбу.

Но сам герцог не стал дожидаться переправы – с горсткой оруженосцев и егерей, забрав добычу, он вновь на лошадях переплыл речку. Горячая кадушка, жар камина и вино быстро отогреют его! Тем более он намеревался лично проследить за тем, как готовится маленький пир.

К вечеру, по дороге к замку, красавчик Жоффруа де Ранкон несколько раз пытался заговорить с девушкой, но она только загадочно улыбалась ему в ответ. Он уже получил взбучку от ее отца – взять и отстать от драгоценной сеньоры!

– Вы считаете, что я недостоин вас? – уже у самого замка спросил он. – Ответьте мне, герцогиня, прошу вас...

Молодой рыцарь, хозяин замка Тайбур, был одним из самых благородных аристократов Аквитании и мог, хотя бы в помыслах, надеяться на взаимность.

– Мой отец решит, кто достоин его дочери, – как ни в чем не бывало ответила она. – Но об этом, я полагаю, мне думать еще рано.

Она ошибалась...

Вечером в замке шел пир горой. После трех оленей под перчным соусом, жареных каплунов и куропаток на огромном серебряном блюде внесли долгожданного кабана. Румяный и сочный, приправленный перцем и чесноком, он совсем не походил на того свирепого монстра, что справлялся с опытными борзыми, как с цыплятами.

Гильом Аквитанский сам отсек поварским ножом кабанью голову, взял ее, сочащуюся жиром, в обе руки, повернул к себе подпаленным рылом.

– Вот она, голова дьявола, что навещал меня этой ночью! – весело рассмеялся он. – Нынче она выглядит куда аппетитнее! – Гильом взглянул на слипшиеся, зарумяненные веки кабана, на его срезанное собачьими клыками правое ухо. – Я сам разберу ее по косточкам – толики мяса псам не оставлю!

Уже во время ужина гости заметили нездоровый румянец на щеках их сюзерена, но приписали это влиянию вина, меда и специй. А когда Гильом Аквитанский, известный чревоугодник и гурман, помимо кабаньей головы съел еще и ляжку вепря, то опасения отпали. Герцог славился воистину гигантским аппетитом! Но уже в конце вечера ему стало плохо. Герцога насилу уложили в постель. Ночью у него был жар. Послали за докторами в Бордо. Сутки Гильом Аквитанский бредил, через день ему полегчало.

– Я грешен и должен искупить свои грехи, – еще в холодном поту хрипло сказал он. – Даю слово, Господи, как только ноги поднимут меня, я отправлюсь на покаяние в Сантьяго-де-Компостеллу².

Такова уж была порода герцогов Аквитанских. Истые южане, они славились буйным и веселым темпераментом, но страх Божий порой одолевал их. Они от души грешили и не менее искренне каялись.

Когда вернулись первые силы, не слушая предостережения врачей, Гильом Аквитанский вышел с посохом из Бордо в окружении своих подданных. Но до места назначения герцог добраться не смог. Он умер от воспаления легких 9 апреля 1137 года, в Страстную пятницу, на тридцать девятом году жизни. Охота и купание в весенней реке оказались роковыми. Черный вепрь все же отомстил ему за свою смерть. Владелец огромных земель, один из богатейших людей Европы, всесильный герцог ушел в мир иной паломником, в одежде странника, идущего на покаяние.

Осознав, что конец близок, Гильом собрал своих вассалов, едва ли веривших в происходящее, и сообщил им последнюю волю. Скрыв до времени смерть своего сюзерена, они должны были, не откладывая, скакать в Париж. Устному завещанию Гильома Аквитанского суждено было определить европейскую политику на четыре столетия вперед...

² Сантьяго-де-Компостелла – святилище, излюбленное место паломничества европейских государей, где был похоронен апостол Иаков.

Глава вторая. Север и юг

1

Весенние облака плыли над бенедиктинским аббатством Сен-Дени – родовой усыпальницей французских королей.

Светловолосый юноша в строгом черном котте стоял на коленях перед алтарем. Над его головой уходили ввысь своды монастырской церкви. Через витражи проникали сюда лучи весеннего солнца, выстилая полы, алтарь и статуи святых радужными цветами. Юноша был худощав и бледен лицом. Закрыв глаза, сцепив руки, он горячо шептал молитву.

Через храм к нему шел невысокий пожилой священник в грубоотканой рясе. Он остановился за спиной юноши и когда молитва была окончена, негромко окликнул его:

– Ваше высочество, Людовик...

Вздрогнув, юноша оглянулся. Его одухотворенное лицо ожило, осветилось радушной улыбкой.

– Да, Сугерий?

– Отец просит вас срочно приехать к нему – он должен вам сообщить что-то очень важное, и немедленно. Я поеду с вами.

Юношей был шестнадцатилетний Людовик – скромный и благочестивый сын короля Франции Людовика Шестого Толстого. А священником – настоятель монастыря Сен-Дени и первый советник короля аббат Сугерий.

С небольшим отрядом рыцарей и оруженосцев они покинули предместья и через несколько часов въехали в парижские ворота Сен-Дени. Вот за спиной остался широкий мост через Сену, обросший домами горожан. Священник и юный принц торопливо входили в старый королевский дворец на острове Сите.

– Подойди ко мне, сын мой, – негромко проговорил король, когда молодой Людовик в сопровождении Сугерия вошел в его опочивальню.

Людовик Шестой, еще смолodu за тучность прозванный Толстым, полулежал на высокой кровати, обложенный со всех сторон подушками. Жарко дышал большой камин у одной из стен, отогревая государя, которого то и дело бил озноб. Уставшее дряблeе лицо Людовика Шестого было бледным, под глазами пролегли тени. Король умирал. Хроническая дизентерия выворачивала наизнанку его организм и на этот раз собиралась прикончить венценосного потомка Гуго Капета³.

– Мы оба знаем, что жизнь королей не принадлежит только им самим, – тяжело сказал Людовик Шестой. – Когда-то ты хотел надеть монашеские одежды и, возможно, стал бы истинным святым человеком, как Бернар Клервоский, которого все мы чтим. Но Господь распорядился иначе: тебе выпал жребий стать королем франков. – Взгляд измученного болезнью государя и аббата Сугерия пересеклись. – А теперь еще и мужем той, которую мы нашли для тебя.

– Мужем? – нахмурился Людовик. – Казалось, он не верил своим ушам. – О чем вы, отец? – Юноша метнул взгляд на Сугерия, но тот не повел и бровью – сейчас было время говорить королю. – Я не хочу жениться...

³ Гуго Капет (около 940–996) – король Франции с 987 г., основатель династии Капетингов. До этого был герцогом Иль-де-Франса. Избран баронами королем как первый среди равных после смерти последнего Каролинга Людовика Пятого Ленивого. Власть Гуго Капета распространялась на земли его родового домена Иль-де-Франс с городами Париж и Орлеан. Первоначальной столицей первых Капетингов был Орлеан.

– Королей-монахов не бывает. Любой государь должен оставить потомков, которые унаследуют его трон и не дадут засохнуть и упасть древу своего рода.

Восемь лет назад жизнерадостный принц Филипп, которого Людовик Шестой готовил к трону, погиб, упав с лошади, и с тех пор над юным и богобоязненным принцем Людовиком дамокловым мечом нависло ненавистное ему будущее – быть королем. А теперь еще и мужем. Тем более девушки, которую он никогда не видел!

– Но кто она? – обреченно спросил юноша.

– Южанка, – слабо улыбнулся король. – Принцесса Аквитании Алиенора. Она недавно осиротела, и мы обязаны устроить ее судьбу. Ведь теперь до нее найдется много охочих сеньоров! Говорят, она красива, как ангел. Сегодня утром я говорил с аквитанскими послами: последней волей ее отца, Гильома Десятого, было желание, чтобы его старшая дочь вышла замуж за принца – будущего короля Франции. Для нас это удача, сын. Мы сможем раздвинуть границы королевства так, как и не мечтали прежде! – Король и аббат Сен-Дени вновь переглянулись. – Готовься в путь, сын мой. Скоро вы с Сугерием отправляетесь в Аквитанию.

2

18 июня 1137 года из Парижа, столицы Иль-де-Франса, выехало посольство Людовика Шестого. Зрелище было торжественным и грандиозным. Посольство скорее походило на собравшееся в поход войско, готовое занимать крепости и города, чем на свадебную процессию. Пятьсот рыцарей стали костяком этого войска сватов, не считая сотен оруженосцев, пажей, сержантов и прислуги. Свиту юного принца возглавляли первые сеньоры королевства.

Путь предстоял долгий – к устью Гаронны, до самого Бордо. Конечно, свадьбу могли бы устроить и в Пуатье, любимом городе герцогов Аквитанских, но хитрые южане решили поразить французского принца – половина дороги на юг проходила по землям наследницы Гильома Десятого. И потом, девушку боялись вывозить из Бордо, а вдруг кто-нибудь из владетельных сеньоров Европы отобьет ее и силой возьмет замуж? Алиенора сказочно богата!

– Сколько будет у меня времени, чтобы поговорить с герцогиней, понять ее, стать ближе? – пересаживаясь из седла в закрытую повозку Сугерия, спрашивал наследник.

– Думаю, одного дня будет достаточно, – честно отвечал ему Сугерий.

– Но ведь этого мало! – Людовик был на грани отчаяния. – Очень мало! И потом, вдруг мы не полюбим друг друга?!

– Вы оба молоды, – с улыбкой ободрял его священник, – и ваши сердца открыты весне, дружбе, любви и всему благому, что сполна дает Господь человеку. Бог даст, вы будете счастливы. Уповайте на милость Создателя, ваше высочество!

Пейзажи юга радовали глаз северян. Путь рыцарей Людовика Шестого лежал через густые леса, оливковые рощи и обширные виноградники – гордость аквитанцев. Реки здесь были куда приветливее и теплее, солнце жарче. Чужая страна радушно встречала гостей.

Спустя месяц с небольшим французы увидели древний город Бордо, окруженный мощными стенами и высокими башнями. В тридцати лье на западе бушевал Атлантический океан, бросая сюда обрывки соленого ветра, а далеко за холмами мерно текла тихая и широкая Гаронна.

Встречное посольство поспешило выйти из города, и 24 июля 1137 года в нескольких лье от Бордо север и юг с радостью простерли друг другу руки.

Юный принц по настоянию Сугерия предстал перед аквитанцами в расшитом золотом кафтане, при длинном мече, в золотой короне наследника престола.

День переправы на плотках, и принц в окружении армии въехал в Бордо. Колокола кафедрального собора Святого Андрея и девяти бордоских церквей звонко и радостно встречали жениха их прекрасной и юной принцессы...

...Еще издалека они жадно ловили друг друга взглядом. Людовик страшно волновался: мирская жизнь только вносила смуту и неуверенность в его сердце. Худощавый, бледный, он робел. Понравится ли ей? Алиеноре было легче. Воспетая трубадурами, в свои пятнадцать лет обладавшая мужественным сердцем и ослепительной красотой, она знала наверняка, что осчастливит любого мужчину!

Он первым увидел ее – в седле скакуна, укрытого парчовой попоной, среди многочисленной аквитанской свиты, одетой не в пример северянам ярко и пышно; увидел ее – тонкую, хрупкую, белокожую, в пунцовом платье, с причудливой прической на голове, сверкающей золотыми нитями и яркими лентами, с легкой вуалью на волосах...

Конечно, он не только пел псалмы в любимом аббатстве Сен-Дени, не только размышлял о Господе и мечтал служить Ему. Он был молодым человеком во плоти и крови и время от времени его посещали видения, которых он боялся и которые так жадно манили за собой. Юный Людовик понял все разом. В этих видениях он видел ее – прекрасную, нежную, чувственную; с блестящими синими глазами и лукавой улыбкой, с гордо поднятой головой и осанкой богини из античных сказок.

А когда взгляды их пересеклись, он вспыхнул и опустил глаза. Людовик не видел, как загорелись щеки у девушки, – она оказалась взволнована не меньше. Сидя бочком в женском седле белоснежного скакуна, среди сотен придворных, герцогиня приближалась к нему – судьба, загадка, возможно, его счастье...

У ворот собора Святого Андрея две свиты, принца и герцогини, сошлись вплотную. И два юных существа, оказавшись лицом к лицу, поклонились друг другу.

– Я рада нашей встрече, принц, – опуская глаза, почтительно проговорила Алиенора. – И да ниспошлет Господь вам счастье и удачу.

– И я бесконечно рад нашей встрече, герцогиня, – проговорил он. Голос, полный трепета, выдал его. – Вы прекрасны...

– Охотно верю вам, ваше высочество, – неожиданно смело улыбнулась она. – Мне об этом говорят так часто! – Гордо подняв голову, она огляделась по сторонам: придворные на коленях просили ее быть скромнее с наследником французского престола. – Разве нет, мои добрые вассалы?

Людовик смутился еще сильнее, хотя взглядом пожирал лицо девушки, ее шею, плечи, стиснутые ярко-красной парчой, пока небольшую, но высокую грудь. Видение, да и только! Юная герцогиня взволновала всех аристократов, прибывших с ним.

Первый разговор будущих супругов оказался коротким: за женихом и невестой следили, отмечали каждое движение, каждый взгляд. Их развели очень скоро – будет еще время наговориться! Вся жизнь впереди!

3

Еще с утра кафедральный собор Святого Андрея обступила многотысячная толпа, она же запрудила улицы. Потом приехала многочисленная стража, растолкала горожан, разбив их на два лагеря и создав крепкое оцепление. По этой дорожке и проехала к воротам собора свадебная процессия, где жениха и невесту торжественно окружали первые аристократы Франции и Аквитании, а за ними ехали рыцари, оруженосцы и пажы.

Людовик был горд за невесту, и румянец не сходил с его худощавых щек. Потом они вошли в храм, где на укрытом красным бархатом возвышении, у алтаря, их поджидал епископ Бордо Жоффруа дю Лору. Здесь, под высокими сводами, смело гуляло эхо и причудливо преломлялись лучи солнца, проникая через разноцветные витражи.

Два юных создания в тишине торжественно замершего собора поклялись любить друг друга вечно – и тотчас их, на радость подданным, обвенчали. А когда под колокольный звон

они вышли из ворот собора под яркое южное солнце, наступая в цветы, народ заревел тысячами голосов – отныне север и юг Франции становились единым королевством, чья мощь обещала быть незыблемой, а будущее – воистину державным.

Прямоком из собора молодых проводили в пиршественную залу дворца Омбриер, усадили во главу стола. Сотни аристократов расселись следом соответственно древности рода и приближенности к венценосцам.

Щедрый пир ожидал гостей. И все глотали слюны, с жадностью разглядывая жареных оленей и кабанов, каплунов и фазанов, форель, сыры, вина, соусы, хлеба, фрукты и сладости.

Вошли сотни слуг, держа миски с водой, с полотенцами через плечо, аристократы омыли руки и нетерпеливо устремили взгляды на великого сенешаля Аквитании – главного распорядителя любого торжества. На крутах и тамбуринах заиграли менестрели, спрятавшиеся на галереях, и сенешаль дал добро поднять первый тост за молодых.

Долгожданный пир начался...

...Молчаливому Людовику кусок в горло не лез – присутствие рядом юной женщины, неожиданно ставшей его женой, бесконечно смущало принца, заставляло сердце его трепетно сжиматься. Голова кружилась. Людовик только и думал: «Отныне она – моя жена. Отныне она – моя...»

– Почему вы не едите, мой любезный господин? – спрашивала его Алиенора. – Вы не голодны?

От слов «мой любезный господин» его бросало в жар, затем в холод и вновь в жар.

– Это все долгая дорога, моя любезная госпожа, – отвечал Людовик. – Она всех нас измотала порядком...

Алиенора ловила его взгляд и обворожительно улыбалась:

– Судя по вашим рыцарям, этого не скажешь. Вон как они уплетают блюдо за блюдом. Съешьте хотя бы цыпленка, вон того!

Она щелкала пальцами, на которых переливались дорогие перстни, и через несколько мгновений паж укладывал на край тарелки принца еще и запеченного цыпленка – поверх олеины и ножки каплуна.

– Благодарю вас, – отвечал Людовик заботливой супруге.

– И не пренебрегайте нашими соусами – они лучшие во Франции. Все специи нам доставляют из Испании и Марселя. Уверена, в Париже такого вы не пробовали! – Все это она говорила, высоко подняв голову и глядя на пирующих, лишь мельком бросая взгляды на безжизненные руки и профиль стеснительного супруга. – А еще лучше начните с красного вина с медом и корицей. Оно разбудит ваш аппетит и сделает вас решительнее!

Молодые люди еще не успели привыкнуть к лицам друг друга, и потому при первой возможности каждый старался посмотреть на своего суженого. Нечаянно ловя взгляд девушки, Людовик вспыхивал до корней волос, рдел, как мак, и быстро опускал глаза.

«Да он уже влюблен, – с улыбкой размышляла Алиенора. – Будущий король без ума от меня...»

Она вздыхала и тоже опускала ресницы. Смотрел на принца и Сугерий, но с тревогой. Он словно уже ощущал скорую опасность, грозившую его воспитаннику. Опасность, которую представляла для него эта совсем еще юная девочка...

Герцоги Аквитании страстно любили не только войну и охоту, но поэзию и музыку. И с радостью привечали под сводами своих дворцов сладкоголосых поэтов – избранных трубадуров.

– Маркабрюн! Маркабрюн! – когда распорядитель объявил гостям, что стоит внять голосу искусства, захлопала в ладоши Алиенора. – Госпожа просит, нет – требует ваших волшебных песен!

Прославленный гасконец Маркабрюн, любимчик покойного Гильома Аквитанского, слагал стихи о запретной любви. Он вышел в красном парчовом кафтане и синей квадратной шапочке, низко поклонился госпоже, подчеркнуто-уважительно – новому господину и только потом – всем гостям. И все это проделал он под оглушительные аплодисменты аквитанцев. Разрумянившаяся, едва сдерживая самую радужную улыбку, Алиенора своевременно ответила трубадуру легким поклоном. Ее чувства не укрылись от Людовика, и сердце сжалось у наследника французского престола. В груди его уже что-то томительно горело и рвалось наружу. Никогда раньше он еще не испытывал подобного чувства!

Это была самая обыкновенная ревность...

Людовик с негодованием наблюдал, как певцу расторопные слуги уже подносили, точно скипетр – царю, виолу; ставили табурет на возвышенности в глубине залы, точно приглашали на трон; под левую ногу подкладывали приступку – разве что сапоги ему не целовали!

Заняв место, Маркабрюн провел пальцами по струнам. О, как звучал его инструмент! Воистину его виола одурманивала и соблазняла, сердце отравляла сладким ядом! Людовик, неискушенный юноша, любой музыке предпочитавший церковные псалмы, взывающие к миру высокому и строгому, никогда и не думал, что струны мирского инструмента могут быть так коварны, беспощадно пленительны и опасны!

И едва они зазвучали, еще ярче вспыхнули глаза его жены – юной принцессы Аквитанской... Поймав этот блеск, Людовик дотянулся до серебряного кубка и залпом выпил его.

– Он прекрасен, правда?! – слушая музыканта, искренне спросила она, даже не глядя на мужа.

Но ответа не дождалась. Впрочем, он был ей и не нужен. Людовик гневно обернулся на пажа, который был немногим младше его, – тот испуганно побледнел и немедленно наполнил серебряный сосуд. И Людовик осушил второй кубок. А за ним – третий. Но Алиенора, до того так заботившаяся об аппетите новоиспеченного мужа, даже не заметила его неожиданно вспыхнувшей жажды...

...Солнце давно зашло. Шумную залу освещали чадающие факела, масляные лампы в нишах и люстры на цепях. Первый день пира шел на убыль. Гости были пьяны и веселы. Все еще весело звенели виолы и тамбурины. Собаки зевали и закрывали глаза, подставляя лапы забегавшимся слугам.

– Он больше похож на монаха, чем на счастливого мужа, не так ли? – сидя в кругу захмелевших аквитанских сеньоров, в ярком кафтане с золотой цепью на груди, усмехнулся Жоффрау де Ранкон. – Этот юнец, наш будущий король...

Гуго де Лузиньян и Сельдебрейль, друзья детства его и Алиеноры, улыбались. Рыцари знали: их приятель де Ранкон сразу невзлюбил Людовика Французского!

Впрочем, как и большинство молодых южан...

А сердце Людовика тем временем больно сжалось. Он увидел, как к аббату Сугерию подошел воин в походном кафтане, при мече, и что-то зашептал ему на ухо. Аббат Сен-Дени немедленно поднялся из-за стола и направился к своему господину.

Еще через пять минут, отведя дрожавшего принца в покои, Сугерий сказал:

– Крепитесь, Людовик, и будьте мужественны. Случилось великое горе – ваш батюшка, Людовик Шестой, скончался.

Губы юноши дрогнули, задрожал подбородок, глаза точно ослепли. Целиком занятый мыслями о юной Алиеноре, он совсем забыл, что в далеком Париже умирает его отец – дорогой ему человек!

– А теперь слушайте меня внимательно, – строго проговорил Сугерий. – Великая забота с этого дня лежит на ваших плечах. Отныне вы – король и повелитель самой большой в Европе страны. – Сугерий вытащил из складок своей рясы платок и промокнул глаза юноше. – От вашей слабости или силы будет зависеть благополучие Франции. Слезы на вашем лице могут

появиться только во время молитвы. Рыцарский меч в руке, справедливость в сердце и мудрое слово в устах – отныне единственный ваш закон. Так жил ваш отец, Людовик Шестой, храни Господь его душу, и так завещал жить вам. Мы должны как можно скорее покинуть Аквитанию и вернуться домой. А теперь ступайте к своей королеве, и да благословит вас Господь!

Людовик вошел в пиршественную залу на ватных ногах. Так неуместен был сейчас этот праздник, так беспощаден к его чувствам!

Но он справился с собой – нашел силы.

– Вы не откроете мне тайну, зачем вас вызывал этот серьезный человек? – игриво спросила Алиенора, когда ее муж сел в свое богатое кресло и пажи вновь захлопотали вокруг него. – Он был так хмур, да и вас расстроил, мой любезный принц...

Ком горечи утраты стоял в горле юноши, но он никогда бы не посмел проявить слабость перед своей избранницей!

– Отныне вас будут именовать «ваше величество», моя драгоценная госпожа. Такова открытая мне только что тайна. Вы – королева Франции, а я – ее король.

Он заглянул в изумленные глаза жены, и первый раз в жизни не пожалел о том, что этот жребий выпал на его долю. Такого подарка ей не смог бы сделать ни один Маркабрюн или другой выскочка, каким бы сладкоголосым он ни был!

4

Юношу и девушку, заботливо переодев в домашнее, проводили в дальние покои дворца. Целая процессия с факелами сопровождала их. Людовик и Алиенора трепетали, но не подавали виду. Спальничий строго оглядел комнаты. Служанки, взбивавшие перину и подушки в спальне, опустив глаза, не смея взглянуть в лицо господам, бочком выскочили в коридор. Сюда же избранные пажи доставили на серебряных подносах яства – жареных перепелов, оленину, хлеб и овощи, сладости, а также вина. Не исключено, что молодожены решат подкрепиться среди ночи, в промежутках между любовными утехами.

Наконец их оставили вдвоем.

Людовик огляделся. В обеих комнатах все сплошь покрывали ковры. Горели дрова в камине, свечи в медных подсвечниках и в люстрах. Здесь, в первой комнате, поднимались нехитрые буфеты с дорогой посудой, по углам стояли сундуки, вокруг крепконогого стола – резные кресла, а во второй... Там, через дверной проем, была видна высокая, в половину человеческого роста, кровать. У кровати возвышалась лесенка. Под кроватью мутно поблескивали медью два ночных горшка. Над ложем нависал грозовой тучей тяжелый балдахин. Одежда, отвернутые наполовину, приглашали юных хозяев возлечь.

Сердце юноши стучало как молот.

– Выпьете вина? – спросил он.

– Глоток, может быть...

– А меня мучает жажда, – стараясь казаться смелым, сказал Людовик.

– Хотите стать похожим на тех наших сеньоров, что во время каждого пира валяются под столами и целуются с борзыми? – пошутила Алиенора.

Ее глаза сейчас горели ярче прежнего. Она не позволила ему утолить жажду – взяла мужа за руку.

– Идемте же, – сказала она.

Ее прикосновение было горячим, обжигающим.

Они вошли во вторую комнату, где тоже был растоплен камин, но поменьше. Людовик сам не успел заметить, как оказался лицом к лицу со своей юной и такой желанной супругой.

– У вас когда-нибудь это было раньше? – спросила она. – Я о любви...

– Нет, – честно признался он.

В ее взгляде читалось недоверие:

– Но мне говорили, что юношей-принцев перед браком учат опытные женщины двора...

– Я готовил себя к другой жизни, – опустил глаза, пробормотал он, – все случилось так скоро...

– Но теперь все изменилось, правда?

– Да, – кивнул он. – И я рад этому, моя госпожа.

Алиенора обняла его и поцеловала в губы. Ее дыхание было горячим и сладким. Никогда он не испытывал ничего подобного. Жар и пламя уже охватывали его тело. Девушка положила руки юноши на свои плечи – это был призыв. И Людовик, сам не ожидая от себя, потянул вниз парчу с ее плеч. Круглые и чистые, они золотились в неярком свете огня. Она помогла ему, и платье упало к ее ногам. Людовик боялся взглянуть на нее – всю...

– Посмотрите же на меня...

Это было сложно, но он преодолел волнение. Грудь, живот, бедра – все светилось золотым сиянием. И столько тепла тянулось к нему от нее...

Они уснули глубоким сном только на рассвете – уснули мужчиной и женщиной. И проснулись к полудню счастливыми молодыми людьми.

Королем и королевой.

Именно такими за пиршественным столом их и встретили придворные на следующий день. Именно таким увидел соперника Жоффруа де Ранкон. И каждый вельможа заметил, как изменился скромный юнец, которого они увидели накануне. Как гордо он держал голову, каким взглядом одаривал свою жену. И как она смотрела на него. Не было больше в ее глазах обычного легкого кокетства. Она смотрела соблазнительно по-женски, истинной хозяйкой, госпожой. Теперь им, их слугам, пришлось опустить глаза.

Вот когда Людовик, смело оглядев присутствующих за столом, лихо выпил до дна свой кубок.

– Теперь этот мир принадлежит нам, – негромко, но с достоинством сказал он, с чувством сжав пальцы юной женщины, – вам, прекрасная Алиенора, и мне.

5

Через три дня они выехали из Бордо, по дороге короновались в Пуатье – любимом городе герцогов Аквитании и уже полноправными государями устремились к Иль-де-Франсу...

Приказав не следовать за ними по пятам, молодожены верхом на лошадях вырывались вперед своего грозного войска. Армия вассалов с улыбками следила за милующейся парочкой. Надо же, как распорядилась судьба, думали они, случай оказался воистину счастливым!

А молодые супруги все дальше уносились по зеленым полям в сторону Луары. Людовик оделся в аквитанские тона, яркие и светлые, чтобы не отставать от Алиеноры. Она, ловкая наездница, в пышном алом платье и пунцовом берете со страусовыми перьями, сидевшая бочком в седле, была самой грацией!

– Я люблю песни трубадуров, как мой дед и отец, а что занимает вас, мой милый Людовик? – на скаку спрашивала она мужа.

– Вы, Алиенора! – смело отвечал он.

– А если серьезно? – раздумывая, вновь интересовалась юная королева.

– Серьезнее не бывает!

Они сбавляли темп, и лошади их, черная и белая, шли ноздря в ноздрю. Людовик и Алиенора познали друг друга как мужчина и женщина, но сколько им теперь нужно было обсудить, отыскать общего, чтобы стать воистину близкими людьми!

– Я немало потратил времени на изучение семи свободных искусств, – деловито сообщал Людовик. – Я изучал арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Церковную, – добав-

лял он. – Но не менее наук естественных я любил и науки духовные: грамматику, риторику и диалектику. – Людовик был серьезным, когда объяснял все это Алиеноре, и ей нравилась его серьезность – умный муж, да еще желанный, всегда вызывает уважение. – А еще с отцом Сугерием мы много занимались теологией. Вот что превосходит все остальное!

– Но вы же и меня научите всему, чему научились сами, не так ли, мой благородный Людовик?

– Конечно! – с радостью отвечал он.

«Господи, – думал юноша, глядя на свою наездницу, пытаюсь поймать взгляд ее сияющих синих глаз, – добрый Сугерий был прав, тысячу раз прав! У нас теперь вся жизнь, чтобы говорить друг с другом! Вся жизнь...»

Супруги то разъезжались, пересекая пестрые от цветов луга, то вновь сближались.

– О чем вы думаете, Людовик? – улыбаясь, громко спрашивала она.

– О вас, сердце мое!

Что тут скажешь, эти двое просто не могли надышаться обществом друг друга. Несколько дней, и тем паче ночей, перевернув всю жизнь молодых людей, отныне с избытком переполняли их.

– Я люблю вас, Алиенора, и я счастлив!

И белоснежная лошадь уносила ее вперед, а он, вторя супруге, прищипывал гнедого коня и во весь опор пускал его следом.

Выглядывая из окошка повозки, Сугерий вздыхал и улыбался, наблюдая за этой картиной. Лишь иногда забота и ведомые только ему думы тенью проходили по лицу настоятеля аббата Сен-Дени. Королевство, о котором он так заботился, оказалось в руках детей!

Одно радовало – влюбленных в жизнь...

В конце августа супруги въехали в Париж. Земля Франции с нетерпением дожидалась ту, которой много будет дозволено судьбой! Людовик и Алиенора остановили двух своих коней, вороного и белоснежного, у ступеней дворца на острове Сите. Юный король спешил первым. Ординарцы поднесли ствол оливы к коню ее величества. То был древний ритуал Капетингов, да и дереву был не один десяток лет! Протянув руки, Людовик осторожно поймал свою жену за талию – и ее сапожки коснулись древа священной оливы⁴.

⁴ По преданию, этой оливы касалась и нога прабабушки Людовика Седьмого – княгини Анны Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого.

Глава третья. Игры юности

1

Осенней ночью 1143 года, в Шампани, войско короля смотрело с высот Фурш на мирно спавший городок Витри. Луна и звезды скрылись в облаках. Всадники и пешие, стоявшие плотной стеной, были готовы к бою. Гулко аукнув, шумно хлопая крыльями, над войском пролетела ночная птица и скрылась в лесу. Отделившись от рядов всадников, вперед выехал рыцарь – кольчуга укрывала его голову и плечи, сам он был закутан в плащ. Рыцарь вытащил меч, звонко полоснувший изнутри ножны, и указал на город:

– День расплаты пришел! Возьмите его! Он ваш!

Пошла перекличка капитанов, ведущих свои боевые отряды. И вот уже, дрогнув, черная стена двинулась, бряцая оружием, вниз. Она катилась как снежный ком, набирая силу. Всадники вырывались вперед, пешие тащили лестницы, катили с холмов стенобитные машины. Обвал черной лавины уже гудел тысячами голосов, гремел сталью, раскатистой дробью звучали копыта боевых лошадей...

Рыцарем, отдавшим приказание штурмовать Витри, был король Франции Людовик Седьмой. Если бы сторонний наблюдатель, когда-то побывавший на свадьбе застенчивого юноши в далеком от Шампани Бордо, сейчас увидел бы этого человека, то не узнал бы его. Хрупкий юноша с бледными щеками, красневший от одного взгляда своей юной невесты, испарился. Над ним более не пели ангелы, и в его ушах не звучали священные хоры. Теперь это был решительный молодой мужчина двадцати двух лет, предпочитавший молитве дерзкое слово и рыцарский меч. Лязг оружия, гром стенобитных машин и крики умирающих людей стали отныне привычной и желанной музыкой для него.

Сейчас там, внизу, просыпался город. Уже колокола его церковью оповещали о нападении. А черная лавина, скатившаяся с холмов Фурш, рассыпалась перед стенами всполошенного города. Лестницы, точно деревья в лесу, вырастали вверх и цеплялись за стены. И по ним уже взбирались рубаки с мечами и топорами наперевес. В других местах требующе, точно разгневанные великаны, забрасывали камнями город, и стены дрожали от гулких ударов исполинских снарядов. Но не только камни летели через стены города, чтобы проламывать дома еще спавших жителей, хороня их под обломками. Летели горшки с горячей смолой – огненными кометами перелетали они и разбивались о крыши, сразу охватывая пламенем целые кварталы.

У жителей Витри не было шанса – слишком большое и грозное войско привел под их стены Людовик Седьмой. Гарнизон крепости таял, отбиваясь от противника, а с ним таяло и городское ополчение. В тесное и тугое кольцо был взят Витри. А потом королевские солдаты ворвались в бреши, пробитые в стенах, смертоносными ручейками быстро потекли по улицам города, не щадя никого. А вскоре уже и ворота города были открыты, и резвая конница, одурманенная запахом близкой крови, поспешила взять свое.

Жители Витри оказались парализованы, лишены воли и сил...

На высоты Фурш, в ставку короля, с факелами в руках быстро поднимался конный отряд.

– Город взят, ваше величество! – отрапортовал укрытый с головы до ног кольчугой, в рваном плаще офицер – он только что вынырнул из боя. – Гарнизон истреблен, убитых много, мы не жалели никого. Но большинство горожан не сдаются. Они заперлись в главном соборе. Что нам делать?

– Сколько их там? – спросил молодой король.

– Около полутора тысяч!

Людювик цепко смотрел на языки пламени, пожирающие город, на черную гарь, уходящую в ночное небо над Витри.

– Как нам быть, ваше величество? – вновь спросил офицер.

Рыцари его отряда и королевская свита – все не сводили сейчас с Людовика глаз. От его воли зависели жизни многих людей.

– Подожгите собор, – сдерживая захрапавшего коня, сказал король.

Это был приговор. Он поразил не только многочисленных людей свиты. Но даже офицер и окружавшие его рыцари, чьи плащи были перепачканы кровью горожан и на чьих мечях, вложенных сейчас в ножны, запеклась их кровь, озадаченно хмурились. Ведь одно дело – устроить резню на улицах города, когда в пылу боя становится все равно, кто перед тобой, и другое дело – хладнокровно уничтожить дом Господа...

– Но... ваше величество, – пытаюсь найти ответ на лицах безмолвной свиты, пробормотал офицер. – Там одни женщины и дети...

– Я же сказал – поджечь его! – молодой король ткнул пальцем в сторону погибающего города. – Обложить дровами и поджечь со всех сторон! И не забудьте подпереть двери и окна бревнами! – Его рука непроизвольно потянулась к эфесу меча. – Или... вы оглохли?

Офицер с опаской поднял глаза на Людовика Седьмого.

– Нет, мой государь...

– Хорошо. И побольше серы и смолы, капитан!

Свита молчаливо опустила глаза, уставившись в изрытую конскими копытами землю. Слово короля – закон. Он венчан на царствование именем Господа, и в его воле – жизнь и смерть простых людей. Королю, а не солдатам, представ перед Создателем на Страшном суде, отвечать за кровь и страдания невинных.

– Будет исполнено, государь, – кивнул капитан.

Он повернул коня и, бросив своим рыцарям: «За мной!» – понесся с холмов Фурш вниз – в сторону растерзанного и полыхающего Витри.

С молодым королем боялись заговорить: его гнев был сейчас подобен молнии – он мог поразить любого. Последние шесть лет, которые он пребывал на троне, Людовик Седьмой словно летел в пропасть и тащил за собой все королевство. Эти годы правления были подобны десяти казням египетским, которые обрушились на головы французов. Людовик объявил войну всем, кто был ему не по нраву. Он воевал с южной и восточной Францией, с крупными феодалами и городскими коммунарами, но в первую очередь – с церковью, с Римом. И такое противостояние вышло ему боком. Не так давно разгневанный понтифик подверг его королевство интердикту – колокола умолкли по всем землям, которыми управлял Людовик, церковь отказала французам в небесном покровительстве. Мудрый Сугерий находился в опале – теперь его обязанности ограничивались пастырским служением в аббатстве Сен-Дени. Политик и администратор, друг прежнего короля, столько сделавший для блага государства, забыл дорогу во дворец на остров Сите.

А в довершение всего – поступок истинного палача...

И вот уже над городом стало расти пламя, оно взбиралось все выше и выше – к ночному небу. Точно ярко горела щепка! Это занимался главный городской собор, забитый горожанами Витри. Каждому из свиты короля было сейчас ясно где-то совсем рядом разверзается ад. И никто бы не рискнул заглянуть в глаза Людовика Седьмого. Непостижимо страшны были они сейчас, точно горели изнутри! Словно в эти минуты сгорало сердце молодого короля! Но на самом деле в его глазах, лишенных в эти мгновения разума, полыхали отблески пламени, пожирающего город и собор, – последнее убежище до смерти напуганных, взывавших к Господу горожан...

Королева-мать Аделаида Савойская первая забила тревогу. Если Сугерий еще только мучился предчувствием будущих катастроф, то уже немолодая королева, опираясь на женскую

интуицию, поняла все почти сразу. Она отпустила в далекий город Бордо послушного, миролюбивого и набожного сына, а спустя два месяца получила неприступного, хоть и счастливого, гордеца.

Людовик Шестой вел деятельную внешнюю политику, а всю администрацию государства возложил на плечи своего друга и советника Сугерия. Аделаида решила: пусть ее мальчик с женой-ребенком, о красоте которой она столько слышала, тешатся на брачном ложе, охотятся и устраивают пиры. Ей пора заняться делом – постоять у государственного руля. Но не тут-то было. Уже первого взгляда, брошенного на «ребенка» из Аквитании, хватило, чтобы понять: перед ней – опасная соперница. Взгляд этой девочки был подобен удару меча. Королева-мать надеялась, что теперь все взоры будут обращены на нее, ее будут слушать и ей же повиноваться. Но в спальне, во время любовных утех, юная жена вкрадчиво сказала мужу: «Выбирай, мой Людовик, кто твоя королева: я или она». И Людовик, не задумываясь, в той же спальне сделал свой выбор. Его позиция оказалась так категорична, что сразу после разговора королевы-матери и ее венценосного сына первая собрала багаж и навсегда уехала в свои родовые угодья. Более Аделаида Савойская в Париж не приезжала, сама себе заказав в столицу французского королевства путь.

Едва успела пятнадцатилетняя Алиенора разделаться со своей соперницей, как из Пуатье пришло ужасающее известие.

В тронном зале король и королева выслушивали доклад сенешаля о переустройстве дворца – это была инициатива юной государыни: ей хотелось побольше света, gobеленов, цветов. Законное желание! Тем более что дворец Омбрийер, по которому она втайне тосковала, всегда был для нее образцом. Неожиданно венценосной чете доложили: гонец из Пуатье. Дело государственной важности!

– Пусть войдет! – приказал к тому времени уже семнадцатилетний Людовик, входящий во вкус быть повелителем королевства и любвеобильным мужем прекрасной юной женщины.

Гонец выглядел плохо: было видно, что он мчался не одни сутки, едва успевая менять лошадей.

– Мятеж! – выговорил посланец. – Мятеж, государь... Горожане Пуатье выгнали ваших балы и теперь создают коммуну. Они связали себя взаимной клятвой и больше не желают признавать власть графа и короля.

Худшее, что предполагал умирающий Людовик Шестой, случилось: увидев, что на престоле сидят дети, до времени покладистые вассалы стали потихоньку бунтовать.

– Да как они посмели? – тихо проговорила юная королева. – Пуатье – любимый город моего отца и деда. – Она была так бледна, что Людовик даже испугался за нее. – Это мои земли, – она не отпускала взгляд мужа, – наши земли! Ты должен покарать их, ты должен...

Кажется, она не находила слов, чтобы выразить свои чувства. И впрямь, для нее это был шок. Юная королева просто не верила своим ушам. Кто бы осмелился на такой шаг, будь жив ее отец, Гильом Аквитанский, девятый граф Пуатье? А если бы и случилось подобное, он в порошок бы стер этих горожан, наглецов, грязных свиней!

Людовику не надо было пояснять ее взгляд. Юный король все понял сразу. Он должен проявить себя теперь же – мужчиной, рыцарем, королем.

– Мы накажем этих наглецов, – совершенно спокойно проговорил он. – И скорее, чем они думают. Уверю тебя, черни не покажется мало.

Через несколько дней из Парижа выдвинулось войско, которым командовал лично король Людовик Седьмой. Войско было небольшим. Несколько сотен конных рыцарей для непосредственной охраны его величества, около тысячи испытанных пехотинцев – лучников, копейщиков, меченосцев. На случай штурма. Главной ударной силой этого войска были десятки мощных стенобитных машин, требующе всех модификаций, с которыми к месту назначения продвигались лучшие инженеры Иль-де-Франса.

Спали мало, зато ели с избытком, и потому через две недели войско оказалось под стенами Пуатье. Никто из пуатевинцев не ждал подобной прыти от семнадцатилетнего юноши. А когда стены города дрогнули от ударов камней, ворота открылись. Не сарацины ведь атаковали Пуатье, а тот, кому город принадлежал по праву.

Бунтовщики надеялись на милость короля...

Но Людовик Седьмой, в окружении рыцарской конницы въехав в открытые ворота, вовсе не был так уж подкуплен быстрой развязкой дела. В те дни он впервые облачился в рыцарский наряд – в кольчугу по всему телу, включая голову, кирасу в пурпурный плащ цвета крови. Он подпоясался широким кожаным ремнем, и длинный меч в ножнах легонько сек его левое бедро. Когда старейшины вышли к нему с обнаженными головами, он грозно спросил их:

– Что вы скажете в свое оправдание?

Но что они могли сказать: не хотим горбатиться на вас, ваше величество, а хотим быть себе хозяевами? Как горожане итальянских городов? Одним словом, старейшины молчали...

И тогда юный король произнес во всеуслышание:

– За ваше предательство вы понесете суровое наказание. Я, волею Божьей король Франции Людовик Седьмой и граф Пуатье, приказываю: во-первых, распустить городскую коммуну, – тяжело вздохнули старейшины: это было жестоко. – Освободить друг друга от взаимной клятвы, скрепившей ваш договор, по которому вы решили лишить меня моих земель. Это во-вторых. – Старейшины вздохнули еще раз. – И отдать мне в заложники сыновей и дочерей всех старейшин и самых знатных горожан Пуатье. Это в-третьих! Срок вам – неделя.

Наказание в случае мирного решения вопроса было придумано заранее – еще в Париже, в спальне венценосцев, главном военном штабе королевства. Самые мудрые горожане Пуатье это поняли тотчас. Алиенора Аквитанская, на коронации которой они присутствовали всего год назад, объявила им войну. В сложившейся ситуации у них был единственный защитник – настоятель аббатства Сен-Дени, миролюбец и праведник Сугерий. И потому пуатевинские послы в обход короля немедленно понеслись в Париж. Через два дня после указа короля они были в столице Иль-де-Франса, и в этот же день отец Сугерий забрался в крытую повозку, обложенную для удобства шубами, и та понесла его на юго-запад. Дорога заняла еще пять дней. В кибитке аббат ел, в кибитке спал, пока менялись пейзажи, а солнце уступало место луне и наоборот.

Пуатье насторожило настоятеля Сен-Дени. Особенно когда он проходил мимо рыцарских рядов, охранявших королевский дворец. Что тут скажешь, военное положение!

Аббат Сугерий вошел в покои своего короля ровно в полночь, когда до истечения срока оставалось не более шести часов. За парижского священника молились в эти дни все наиболее состоятельные семьи Пуатье. У Людовика не было сна – он в мрачной задумчивости пил вино. Но, увидев своего наставника, король даже привстал за трапезным столом.

– Святой отец? – пробормотал он, держа в руке только что наполненный кубок.

В покоях дворца, где разместился Людовик, трещал дровами камин и горели в бронзовых канделябрах свечи. Сугерий, точно по воле Господа, перенесшийся за сто лье, разделявшие Париж и столицу графства Пуату, поклонился своему воспитаннику.

– Господь подсказал мне, что я нужен вам, государь, сегодня и здесь.

– Так уж и Господь? – не выпуская кубка из рук, нахмурился юный король.

– Да, Людовик, – кивнул Сугерий. – Господь сказал мне, что вы готовы совершить тот опасный шаг, за который можете позже расплачиваться всю жизнь.

– Вот как? – Людовик наконец-таки поставил свой кубок. – Теперь мне ясно, это пуатевинские мерзавцы осмелились вытащить вас из Парижа и заставили сюда приехать, не так ли?

– Мой милый Людовик, мой дорогой мальчик, – покачал головой настоятель аббатства Сен-Дени. – Разве могут какие-то «пуатевинские мерзавцы» заставить меня ехать куда-то?

Конечно, нет. Все, что меня беспокоит, – это ваша чистая душа. Я никогда себе не прощу, если позволю дьяволу-искусителю наложить на нее тень. А вы, как я полагаю, уже близки к этому.

– Чтобы вы ни говорили, я распушу эту банду и возьму заложников! – отвернувшись к темному окну, бросил юный король. – Они поплатятся за свое предательство!

– Конечно, за предательство надо платить. На какой ценой? Стены Пуатье дрогнули от ударов ваших машин, и ворота открылись. Это хорошо. Банду заговорщиков и впрямь стоит распустить – на будущее будет наука. Но при чем тут дети этих людей? Ведь мы же не варвары, Людовик. И вы, король Франции, не хищный император древнего Рима, где человеческие жизни ничего не стоили. Где людей бросали львам на корм. И христиан – в первую очередь. А ведь вы хотите сделать то же самое с юными и ни в чем не повинными христианами. Так справедливо ли это? А если кто-то из них умрет в заточении, подумайте, на кого ляжет этот грех?

– На их отцов, – в голосе юного короля уже не было первоначальной твердости и бескомпромиссности. Он всегда прислушивался к аббату Сугерию и целиком уважал его мнение. – Нечего было злоумышлять против своего короля.

– Хотите карать отцов – так карайте их. Но не детей. Этот грех ляжет на вас. Но готовы ли вы взвалить его на свои плечи? Но даже если вам безразлична чужая жизнь, подумайте о другом. Погибнет заложник, что скажут о вас? До самых последних дней, Людовик, вас будут называть убийцей. И с этим пятном вы сойдете в могилу. Стоит ли это того?

– Но я уже так повелел, Сугерий...

– Мы не варвары, государь, – голос священника зазвучал тверже. – Мы христиане! Как вы думаете, во время Страшного суда что будет тяжелее на весах Господа, ваше высокомерие или человеческие жизни? Ответьте сами на этот вопрос! Прислушайтесь к своему сердцу! Отмените последнее наказание, и они, ваши нынешние враги, запомнят этот королевский дар на всю оставшуюся жизнь. И ваше сердце будет спокойно, поверьте мне, мой государь.

Людовик обернулся к Сугерию – в глазах юноши, в неярком освещении жаркого каминного огня едва заметно блестели слезы. Аббат улыбнулся: мальчик, которого он знал прежде, возвращался в этот мир...

Утром, когда срок исполнения королевского указа истек, в дворцовое окно выглянул не Людовик, а аббат Сугерий.

– Горожане Пуатье! – откашлявшись, громко выкрикнул он. – Людовик Седьмой, король Франции милостью Божьей, был так снисходителен и добр, что пересмотрел свой указ. С условием, что подобного проступка с вашей стороны никогда более не повторится, он велел передать вам, что не будет отрывать сына от матери и дочь от отца. Людовик Седьмой не станет брать в заложники городскую молодежь и милостиво прощает жителей Пуатье!

Дворцовая площадь разразилась ликованием. Все только и делали, что восхваляли Людовика Французского. Воистину Сугерий вновь оказался прав. И впрямь, что такое установление коммуны в сравнении с потерей любимых детей? Гнев юного короля заставил трепетать перед ним, милость растопила сердца горожан.

Облегченно вздохнув, пуатевинцы призвали каменщиков латать стены, а грозное войско юного короля, оказавшегося бойким малым, двинулось по дорогам на северо-восток.

Дорога до Парижа заняла не многим больше времени, чем от Парижа до Пуатье. Во-первых, Людовик соскучился по любимой жене, а во-вторых, он спешил похвастаться перед Алиенорой молниеносной победой. Но, оказавшись дома, понял, что триумфа не будет.

– Ты не взял в заложники сыновей и дочерей этих мерзавцев? – казалось, она ушам своим не верила. Алиенора встречала мужа во дворце, на острове Сите. – Но ведь мы все обсудили заранее?!

Выставив прислугу, он сбрасывал походный плащ, снимал кожаные перчатки и швырял их в сторону, вон бросал квадратную изумрудную шапочку с тугими перьями.

– Милая, я подумал, что надо быть милосердным...

Шагая к любимой супруге, юный король быстро расстегивал короткий, на южный манер, синий парчовый кафтан, расшитый золотом. На обратной дороге Людовик решил пренебречь кольчугой. Он уже протягивал к желанной юной женщине, по которой истосковался, жадные руки...

– Милосердным?! С кем – с предателями? – Она остановила его, уперев ему ладони в грудь. – Но разве тебя не учили, что предавший однажды предаст вторично! И только силой можно доказать свою правоту?!

– Я хотел дать им шанс, – напирая, оправдывался Людовик. – Все мы – христиане...

– По-твоему, быть мягкотелым – значит, быть христианином?!

– Я не мягкотелый! – неожиданное обвинение возмутило его. – Я выполнил свой долг перед короной и перед тобой – Пуатье лежит у наших ног. Но быть жестоким – это скверно. И потом, милая моя, мой наставник Сугерий...

– Опять Сугерий! – сжав кулачки, воскликнула она. – «Мой наставник Сугерий»! – Неожиданно ее лицо озарилось. – То-то мне говорили, что он сел в телегу и с отрядом рыцарей умчался куда-то! – Людовик вновь попытался привлечь ее, обнять, но она сбросила его руки со своих плеч. – Значит, он был в Пуатье? И это он отговорил тебя брать заложников? – Она мгновенно остыла. – Тогда мне все ясно, и я зря ругаю тебя. Простите, ваше величество. Куда мне тягаться с аббатом Сугерием, который вынянчил и воспитал вас, – она развела руками. – Еще раз простите меня...

– Алиенора, – его глаза умоляли. – Зачем ты так?

Юная королева приложила унизанные перстнями пальцы ко лбу:

– У меня болит голова, мой милый Людовик. Так болит, что, кажется, тысяча маленьких кузнецов кует в ней дьявольски острые мечи!

И она ушла к себе, а Людовик так и остался стоять в середине залы с неутоленной любовью, недоумевающий и печальный. Ему хотелось плакать – и он бы расплакался, если бы не был королем.

В ближайшие месяцы настоятеля аббатства Сен-Дени, отца Сугерия, на Королевский совет не приглашали. А он, будучи человеком мудрым, хорошо понимал причину этой немилости.

Имя ей было – Алиенора Аквитанская.

– Не сокрушайтесь так, ваше преподобие, – успокаивал его приор аббатства, когда настоятель отходил от молитвы и готовился вкусить скромную трапезу святого человека – немного бобов, хлеба и сушеных фруктов.

– Что вы, Эрве, – отвечал ему Сугерий. – Если я и сокрушаюсь, то не о себе. Я боюсь, что некому будет предостеречь моего короля от ошибки, подсказать в нужный час, как быть и что делать. Боюсь, чтобы свет он не назвал тьмой и наоборот. И чтобы не подошел к краю бездны, потому что, увы, есть кому подтолкнуть его к этому рубежу.

Победа в Пуатье вдохнула новые силы и надежды в молодую королевскую чету. Их сердца жаждали новых подвигов. Случай еще раз проверить себя подвернулся очень скоро. По наводке юной государыни Людовик Седьмой вспомнил о непокорном сеньоре Гильоме де Лезе. Этот сеньор при восшествии на престол Людовика, уже прозванного в народе Молодым, не хотел приносить ему оммаж. На Гильома де Лезе надавили – тут был и Сугерий, и граф Шампани Тибо, и многие другие вельможи, священники и вассалы короля. И вот этот Гильом де Лезе вновь отличился. Наравне с герцогами Аквитании он управлял землями в Тальмоне. Однажды Алиеноре сообщили, что дерзкий сеньор де Лезе похитил у герцогов Аквитании белых охотничьих соколов.

– Мы должны проучить его! – немедленно обратилась королева к мужу. – Эти соколы принадлежат нам, герцогам Аквитании. Сегодня он взял соколов, а завтра потребует и часть наших земель в Тальмоне. Накажи его!

Вор был отвратителен королю еще и тем, что Гильома де Лезе два раза отлучали от веры Христовой за расхождения во взглядах на догматы церкви. Ну как не проучить такого прохвоста?

Конный отряд рыцарей двинулся в сторону Тальмона, и сеньор де Лезе получил письмо, в котором ему в прямой форме было высказано от имени короля, что это его последняя безрассудная выходка. Соколы должны быть возвращены немедленно, на этот раз королю Франции, а сам сеньор де Лезе отныне должен быть незаметен, как тень в безлунную ночь. Иначе его ожидает плохой конец – не получив чужого, он лишится и своего. История с Пуатье уже облетела все королевство, и сеньор де Лезе, проклиная двух молокососов, отдал белых охотничьих соколов и пообещал более не тревожить венценосных особ своими выходками.

Еще один успех, хоть и небольшой, вдвойне окрылил шестнадцатилетнюю Алиенору. Она только и думала, какую бы новую кампанию устроить им с мужем. Но никто больше не создавал коммун в пику королевской воле и не воровал у королевы белых соколов. И деятельная, воинственная и честолюбивая натура юной аквитанки страдала. Правда, в мирное время Алиенора тоже не сидела на месте – под разными предлогами она потихонечку переправляла в Париж своих подруг, южных дворяночек, пажей, менестрелей, костюмеров и художников. Она хотела превратить мрачный дворец Капетингов на острове Сите хотя бы в скромное подобие дворца Омбриер, где выросла и научилась ценить прекрасное. Благодаря ее энтузиазму двор быстро обретал новое лицо. Во дворце Сите появлялись новая мебель, ковры и гобелены. Южный колорит приносили товары с Ближнего Востока, которые так уважали в Аквитании. Muskus и сандаловое дерево наполняли благоуханием сумрачные залы королевского дворца. В моду быстро входило очищение дыхания вареньем из лепестков роз и имбиря. Людовик даже стал привыкать к постоянному звучанию виол, звону тамбуринов и высоким голосам солистов, распевających о сластолюбивых рыцарях и податливых пастушках.

Наконец, король глазом не моргнул, когда к его двору пожаловал любимчик жены – трубадур Маркабрюн. Только молча поскрежетал зубами. Он слушал гасконца, безродного выскочку, за глаза еще в Аквитании прозванного менее талантливыми собратьями по перу Пустожором, и натянуто улыбался. За красоту, живой ум и темперамент его милой Алиеноры приходилось платить сдержанностью. В одном Людовик не принимал участия – в дворцовых куртуазных пикировках, поэтических играх, дерзкой игре слов. А ведь такое времяпрепровождение так обожала юная королева! Но словесный блуд был не для сдержанного северянина.

А еще Алиеноре нравилось петь самой. И коварный Маркабрюн, как никто другой, хорошо знал это! Под бурные аплодисменты гостей из Аквитании он элегантно усаживался на стул с высокой резной спинкой, принимал из рук слуг виолу, укладывал инструмент на колени и дразнил короля – испытывал его воистину ангельское терпение!

– Феи так щедро успели вас одарить с колыбели, – глядя на королеву, звонким голосом выводил коварный Маркабрюн. – О, разрешите, девица, рядышком мне приютиться!

Их взгляды пересекались, и Алиенора вспыхивала. Королева вставала и, пока звучал проигрыш, легко подплывала, расплескивая широкие рукава, к придворному певцу. Эта юная женщина была отчаянно смела и отважна – ни одна северная аристократка не позволила бы себе стать трубадуршей! Но ведь она родилась внучкой Гильома Трубадура, и кровь великого куртуазного поэта, воспевавшего буйство плоти и похоти, пульсировала в ее жилах.

– Дон, говорите вы льстиво, как я мила и красива, – кладя руки на спинку его стула, подхватывала она вовремя пасторель Маркабрюна. – Но я останусь девицей, чтобы стыдом не покрыться!

Людовик по-прежнему скрежетал зубами и сопел – тем более что пустая песенка про сеньора, возжелавшего молоденькую пастушку, была ой какой длинной! Алиенору, быстро входившую в роль, с каждой строфой соблазняли все более откровенно, а она оказывала все меньше сопротивления.

А потом, получив львиную долю оваций, подходила к мужу и, укладывая руки ему на плечи, как недавно – на спинку стула сладкоголосого певуна, с улыбкой спрашивала короля:

– Вам понравился наш дуэт, мой любезный господин? – и, не дождавшись ответа, усаживалась рядом с мужем.

И Людовик, бледный от негодования, бормотал:

– Да, неплохо, неплохо... Пожалуй...

Несмотря на ярость и раздражение, которое в нем вызывали менестрели, юный король понимал: подарок Господа в лице обольстительной супруги ему очень дорог. Очень! И, если он хочет угодить своей прекрасной жене, нежной и веселой, свалившейся на него из райских кущей, ему необходимо будет мириться со многим – в том числе и с Маркабрюном, которого он с удовольствием отлупил бы хлыстом...

Так прошло пару лет. И вдруг – свершилось чудо. Так думала Алиенора. Но тут была подсказка скорее не Господа Бога, а самого князя тьмы.

В один из декабрьских вечеров, когда король и королева уединились после славного ужина в покоях королевского дворца, сердце Алиеноры учащенно забилося. Да что там учащенно – оно просто грозило вырваться наружу! Девятнадцатилетняя королева вспомнила о своем разлюбезном двоюродном дядюшке Альфонсе-Иордане, племяннике Гильома Трубадура, с которым оба славных мужа в давние времена вместе правили в Тулузе.

– Милый, – как всегда, вкрадчиво сказала Алиенора своему мужу, полулежа под балдахином брачного ложа. – Как ты думаешь, а не стоит ли нам преумножить земли королевства? – Ее прекрасные руки ласкали немного щупловатые, по-юношески, плечи мужа. – Она села на него верхом, потянулась к Людовику, поцеловала его в губы. – У меня есть превосходный план!

– И что же это за план? – спросил он, привлекая ее к себе. – На этот раз ты хочешь заполнить Англию?

– Не смейтесь, ваше величество, – нарочито серьезно сказала она. – Все дело в моей бабке, Филиппе, жене моего прославленного деда Гильома Трубадура...

Суть истории, которую Алиенора рассказала мужу, была в том, что ее дед Гильом Трубадур и Альфонс-Иордан имели равные права на Тулузу. Но после смерти Гильома Альфонс-Иордан осмеливался править в богатом южном графстве один, даже не думая делиться с потомками Трубадура.

– Мы могли бы раздвинуть границы нашего государства, – вновь сказала Алиенора мужу. – Тебе стоит подумать об этом, милый.

На следующий день они охотились в лесах Иль-де-Франса. Людовик не любил охот, но их обожала его супруга. Она была прирожденной наездницей, а соревноваться с ней в стрельбе из лука он бы и не взялся! Зато с каким восхищением наблюдал Людовик, как Алиенора впереди всех несется через леса в пышном платье и шубке, в меховой шапке, с кинжалом у пояса и луком наперевес. Как она, смело управляя конем, настигает молодого оленя и бьет его одним выстрелом!

И с каким победоносным видом, спрыгивая с коня, она смотрит на бедное животное, истекающее кровью на первом снегу. И как повелительно говорит оруженосцу: «Добей его, Жак!»

Артемидо-охотница, по-другому и не скажешь!

На привале оруженосцы и пажы готовили обед на всю королевскую компанию – на одних вертелах жаривали оленей, на других – глухарей и перепелов. Ветер срезал дым и разносил его по окрестностям. Столы уже наполнились закусками и винами, сладостями. Кругом рыскали собаки, охотясь за потрохами, устраивали друг с другом грызню.

– Что решил мой король – мы идем на Тулузу? – спросила Алиенора у мужа, точно вчерашний разговор прервался минуту назад.

Король и королева сидели в креслах, под крышей расписного шатра, укрытые шубами, и пили горячее вино. Людовик уже и позабыл о ее выдумке.

– Но прежде надо написать ему послание, – нахмурился он. – И устно потребовать часть твоего... нашего графства. Как ты думаешь?

– За это время он соберет войска и встретит нас во всеоружии, – с усмешкой обронила королева. Ее глаза вспыхнули. – Тут нужна стремительность! Чтобы он глазом не успел моргнуть, а наше войско уже стояло у стен Тулузы! Пусть возвращает положенное герцогам Аквитании!

Юный король сомневался, но выражение лица его супруги говорило, что она не примет отказа. Людовик обещал подумать.

– Графы Тулузы – могущественные сеньоры, государь, – выслушав своего сюзерена, вскорости высказался Рауль де Вермандуа. Вельможа королевской крови, хозяин большой провинции, сорокалетний Рауль был верным советником еще при Людовике Шестом, а недавно молодой король назначил его великим сенешалем своего двора. – Это не коммуна, наспех созданная в Пуатье, не чернь, вооруженная чем попало. И не скромный сеньор де Лезе. Право, не стоит, государь...

Но Людовик, лишь по-мальчишески нахмурившись, гордо поднял голову:

– Но и ему не тягаться с королями Франции. Или не так, граф?

– Альфонс-Иордан не отдаст вам свои земли, – убежденно вздохнул Рауль де Вермандуа. – Он только посмеется над этими притязаниями. Крепости юга очень сильны. Он запрет их ворота и выставит против нас войска.

Юный Людовик понимал правоту слов великого сенешаля и осознавал, что притязания Алиеноры чересчур велики. Он был не глуп, этот преобразившийся мальчик. Но в юном короле боролись два чувства: желание укротить воинственный пыл возлюбленной и безрассудная страсть к ней. И страсть победила.

– Ну и пусть, – с горячностью ответил молодой король. – Мы посмотрим, кто кого! Во имя Господа и Франции мы двинем нашу армию на Тулузу!

Переждав очередную зиму, во время которой воинственный пыл всех рыцарей Европы улетучивался, весной 1141 года Людовик стал собирать войско. Задача, поставленная перед феодалной армией, обескураживала аристократов, но слово короля есть слово короля. Они приносили ему оммаж, давали клятву верности. И весной уже двадцатилетний Людовик Седьмой вместе со своей женой выступил в поход на юг Франции. Ради этого Алиенора, привыкшая носить мужское платье, подпоясалась даже широким кожаным поясом воина с мечом у левого бедра. Она смотрелась очень воинственно, и муж вновь гордился ею.

Но похвастаться этим походом они не смогли. Граф Рауль де Вермандуа оказался прав. Каждая южная крепость, а они росли на скалах, точно орлиные гнезда, превратилась практически в неприступную твердыню. Король так и не получил генерального сражения, его войска, с трудом пробиравшиеся по южным дорогам, теребили отряды Альфонса-Иордана. Жгли катапульты, под покровом ночи жалили со всех сторон. Да и непопулярен был этот поход ни среди королевской аристократии, ни среди солдат в армии Людовика, не говоря уже о всей Франции в целом. Все это воспринимали как выходку взбалмошного мальчишки и безрассудной девчонки. Не дойдя до Тулузы, армия Людовика повернула назад. Для короля это была катастрофа, для Алиеноры – жестокое оскорбление.

– Не надо было мне слушаться тебя, – в один из горестных дней сказал он. – Какой я глупец!

Это был крик души, и Алиеноре хватило рассудка не перечить мужу. Она наконец-то поняла, что изначально была не права. Что не все, ею вожаемое, дается ей в руки. И во время отступления муж не услышал от жены ни одного грубого словечка. Аквитанка утешала своего Людовика всеми возможными средствами, а этими средствами юная королева располагала в

полной мере. И он наконец-то растаял. Что стоит неудачный поход в сравнении с искренней любовью самого близкого на земле существа? Тем более, самого нежного и обольстительного...

Но главные беды были только впереди...

Алиенора уговорила мужа сделать крюк – коль они на юге, так почему бы не побывать в родной Аквитании? И потом, есть повод показать всей Франции, что не ради одной Тулузы они собрались в дальнюю дорогу. Так королевская чета и поступила. Часть армии, обремененная артиллерией и обозом, пошла на север, к дорогам, ведущим на Париж, а другая, мобильная, в рыцарских седлах, поспешила на запад...

Короля и королеву встречали в Бордо сердечно. Тут искренне любили подобную молнии дочку Гильома Десятого. Она полностью соответствовала темпераменту страны, ее вскормившей. И, конечно, отвечала своим землякам любовью на любовь.

Пирыв следовали один за другим, трубадуры посвящали сбежавшей от них Донне все новые канцоны. Людовику Седьмому, которому подобного добра хватало и в Париже, радушный прием быстро надоел, и он приказал собираться. И тут его супруга не стала перечить, только попросила взять с собой родную сестренку Петрониllu. К тому времени это уже был совсем не ребенок, но девушка шестнадцати лет. К тому же, беря пример со старшей сестры, искавшая приключений – и не важно, на чью голову. Лишь бы жизнь была веселой и увлекательной.

Вскоре Петрониllu в компании менестрелей привезли в Париж. Она была горда: ее сестра – королева! Девушка мечтала о выгодном замужестве и большой любви. И в мечтах представляла себе прекрасного юного принца-северянина, например, одного из подрастающих братьев короля. А их, как она слышала, было четверо! Как и старшая сестра, Петронилла была очень красива и уверена в себе.

Но планам ее относительно принца-ровесника не суждено было сбыться. Ее увидел мужественный рыцарь – сорокалетний Рауль де Вермандуа, великий сенешаль двора.

А она увидела его...

Эта встреча оказалась роковой. Роковой уже потому, что Рауль был женат, и не на ком-нибудь – на родной племяннице могущественного Тибо, графа Шампани и Блуа. Юная Петронилла сама не помнила, как после одного из пиров оказалась в объятиях опытного и привлекательного мужчины. Несколько встреч, и они оба решили, что принадлежат друг другу.

Людовик, едва оправившийся после чудовищного позора, все еще приходил в себя. Заботливая жена дарила ему не только свою любовь – по приезду она преподнесла мужу в качестве искупления своих грехов хрустальную чашу на золотой ножке и с резным золотым ободком, в который были вправлены жемчуг и драгоценные камни. Эту чашу, фамильную реликвию, она специально, тайком, везла из Бордо, чтобы подарить ее здесь, в Париже. Людовик был растроган до глубины души.

Но его сердечному спокойствию, возвращавшемуся с таким трудом, продолжаться суждено было недолго...

Петронилла, влюбившись по уши в Рауля де Вермандуа, бросилась в ноги к сестре.

– Алиенора, – отчаянно рыдала она у нее на коленях, – я люблю его! Люблю! Что мне делать? Я утоплюсь, если мы не будем вместе! Сброшусь с моста в вашу холодную и гадкую Сену! – Она поднимала прекрасные зареванные глаза на свою сестру и в кровь кусала губы. – Или выброшусь из башни! – И опять с глухими рыданиями утыкалась ей в колени.

Алиенора тоже кусала губы – ей искренне хотелось помочь сестре. Ведь у нее совсем не осталось родных. Был еще их дядя на Святой земле, князь Антиохии, Раймунд, дорогой для Алиеноры человек, но он казался почти мифическим героем. И она уже была неуверенна, существует ли он на самом деле. А милая Петронилла, ее кровиночка, находилась под боком.

Но что она могла для нее сделать?

А Рауль де Вермандуа, потерявший покой в том возрасте, когда его следует потихонечку приобретать, кусал ногти и не мог дать королю ни одного толкового совета по внешнему управлению государством. И это при том, что мудрого Сугерия по-прежнему не приглашали на Королевский совет. Людовик только хмурился, по своему обыкновению, и недоумевал: не заболел ли его советник?

В один из этих трагических дней, когда разбивались сердца и страдали души сиятельных особ, Алиенора напрямую сообщила о романе великого сенешаля и ее сестры. Что им делать? – спросила она у мужа. Любовь подняла их на своих крыльях, но если это чувство будет убито, то падение любого из них может закончиться смертью.

По крайней мере, теперь Людовик знал, почему его вельможа ходил все это время как в воду опущенный.

– Но у него есть жена, племянница Тибо Шампанского, – сказал он, стоя в ночной рубашке на медвежьей шкуре, грея руки у камина. – Церковь благословила их брак. Что ты хочешь от меня?

– Разорви брак Рауля Вермандуа с нелюбимой женой, – сидя на кровати, поджав ноги, просто ответила Алиенора.

– Разорвать брак?! – Людовик не верил своим ушам. – Я что, папа римский? – Он даже рассмеялся ее просьбе, как остроумной шутке. – Разорвать брак!

– У меня одна-единственная сестра, и я не хочу потерять ее! – грозно откликнулась с постели Алиенора.

– Милая, но это не в моей власти...

– Ты – король! А значит, тебе решать, с кем жить твоим вассалам, кем бы они ни были! Графами Шампани, Вермандуа или Аквитании! Это если мы с тобой, не приведи Господи, решим развестись, – при этих словах Людовик заметно побледнел, – нам придется обращаться к папе. Но развести Рауля Вермандуа и племянницу графа Шампани сможет и пара епископов. Разве не так?

– А повод?

– Повод всегда можно найти. Спроси у своего старого лиса Сугерия, он умен – вмиг подскажет, что делать.

– Я так и поступлю, – холодно откликнулся Людовик.

На следующий день, избегая встречаться с великим сенешалем, Людовик приказал седлать лошадей и вскоре с небольшим отрядом выехал в Сен-Дени.

В аббатстве вовсю шло строительство нового храма. Сугерий, которого отодвинули от политической и административной деятельности, решил заняться переустройством монастыря. К чему тратить впустую время? Когда он будет нужен – его пригласят. А пока он устремил сердце Господу, а очи, опыт и мастерство – архитектуре родного аббатства. Тем более что Людовик, чувствуя неизгладимую вину перед учителем за ничем не обоснованную отставку, делал огромные жертвования некогда любимому аббатству.

Давно избегавший проезжать мимо Сен-Дени, где он провел столько лет в служении Господу, Людовик был бесконечно удивлен. Впервые во Франции появились стрельчатые арки – они дарили легкость и полет всему сооружению. Было в этом что-то новое, великое, открытое миру. Пронзительно-точное. К небу возносилось необыкновенное и восхитительное здание – все его каменное естество словно устремлялось к вершинам неба, к Богу...

Короля под серым февральским небом смиренно встретил Сугерий. Поклонился своему государю. Людовик ловко спрыгнул с лошади. Когда-то он побаивался седла – причина смерти старшего брата навсегда осталась в памяти. Но последние годы сделали из него заправского наездника – куда тут денешься: походы, войны, марши и демарши. Он давно уже обзавелся огромной конюшней отменных скакунов.

Людовик тепло обнял наставника, и тот сразу понял: пришло время, и он понадобился. Сердце аббата Сен-Дени радостно забилося.

– Прекрасный храм, Сугерий, – тепло сказал молодой король. – Ты всегда был на десять шагов впереди других...

– Рад, что вам нравится, государь, – скромно проговорил священник. – Я пригласил самых талантливых мастеров, в сердцах которых почувствовал движение к великому. Мне сразу понравилась их задумка. Да и вам будет приятно знать, что деньги казны идут не в пустую. Все во славу Господа и для душ наших прихожан.

Король кивал. Вместе они вошли под своды старого храма. Сугерий понимал: это при-сказка, скоро будет сказка. Людовик перекрестился, пламенно прочитал молитву и, не теряя времени даром, стал рассказывать настоятелю монастыря о новой своей заботе. По мере продолжения его рассказа настоятель аббатства Сен-Дени становился все мрачнее.

И когда от него потребовался ответ, Сугерий не стал юлить.

– Вы даже не понимаете, государь, на что толкает вас супруга, юная королева, – он был очень серьезен, этот полуопальный советник. – Сколько я приложил усилий еще при вашем отце, да хранит Господь его душу, чтобы помирить графов Шампани и Вермандуа. Их распря длилась десятилетиями, поймите это! Граф Шампани – один из самых влиятельных ваших вассалов! У него огромные земли, за ним – большая сила. Если вы своей волей устроите этот развод, он немедленно повлечет за собой разрыв между вами и Тибо Шампанским. И церковь, Людовик, церковь будет целиком на стороне графа.

– Значит, святой отец, вы не видите выхода из этой ситуации?

– Выход только один – убедить королеву не ходатайствовать за сестру и усмирить пыл влюбленных. А еще лучше – отдайте юную Петрониллу за одного из ваших братьев. И вразумите великого сенешаля. Не дайте сделать себя жертвой его похоти. Это было бы неразумно, Людовик. – Он немного помолчал. – Ваш отец одним ударом разрубил бы этот узел.

– Мой отец! – горько усмехнулся молодой король. – Я – не он. И я смотрю на мир своими глазами. А если они и впрямь влюблены? И не могут жить друг без друга? Если Раулю опосты-лела его жена? Разве не для того у меня королевская власть, чтобы делать людей счастливыми? Близких мне людей. И почему бы Тибо Шампанскому не принять мою волю?

Взглянув на своего воспитанника, Сугерий тяжело вздохнул. Людовик, при добром сердце, был упрям с молодых ногтей. И если что-то было не по-его, он превращался в маленького ослика. Да-да. В упрямого маленького осла.

– Поступайте, как знаете, сын мой, – сказал Сугерий. – И да благословит вас Господь.

На том они и расстались. Вернувшись в Париж, во дворец на остров Сите, Людовик при-звал к себе великого сенешаля двора и, когда они остались наедине, спросил:

– Рауль, ответьте мне честно, вы любите Петрониллу?

– Безумно, мой государь, – опустив голову, ответил граф.

– Это страсть... или?

– Или, государь. А вернее, и то и другое. Я думаю, вам известно подобное чувство.

Да, он наступил на больное место своему королю! Кому как не Людовику была знакома эта мука. Молодой король россыпью перебирал пальцами по подлокотнику своего золоченого трона. Если бы ему кто-нибудь приказал, чтобы он бросил Алиенору ради политических игр, он вытащил меч и с удовольствием заколол бы наглеца.

Людовик испытующе взглянул на великого сенешаля. И тот опустился перед ним на одно колено:

– Умоляю вас, государь...

В Людовике говорили разные чувства: гордость за победу в Пуатье и унижение за Тулузу. Он видел триумф и ощутил на своей шкуре падение. И то и другое только подогревало тще-

славие молодого короля – он должен доказать себе и другим, что его власть на земле велика. Почти безгранична – по крайней мере на вверенных ему Господом землях.

В ближайшие дни Людовик послал за тремя епископами своего домена – Ланским, Санлисским и Нуайонским. Он объяснил им причину вызова и пообещал хорошо наградить их, если они найдут причину для развода Рауля де Вермандуа с племянницей Тибо Шампанского. Кстати, тоже Алиенорой.

Епископы покачали головами, переглянулись, обещали подумать за трапезой. Им не мешали. Епископы трапезничали долго, с расстановкой. И впрямь, куда им было торопиться, когда на столе каплуны и перепела, рыба и сыры, пироги и вина? В середине трапезы трое священников высокого ранга попросили принести им генеалогические древа супругов – Рауля и его жены. Великий сенешаль, который покусывал ногти, меря шагами покои дворца, немедленно послал своего пажу с необходимыми бумагами к трем мудрецам.

К концу трапезы приговор браку великого сенешаля и Алиеноры Шампанской был вынесен.

– Супруги состоят в такой степени родства, государь, – утирая губы после жирной пищи, сказал старший из прелатов, епископ Санлиссский, – какую канонические законы считают недопустимой.

Король удовлетворенно кивнул. Недолго думая, трое епископов тут же письменно расторгли брак и в этот же день – а что терять понапрасну время? – обвенчали влюбленных. Рауль де Вермандуа не верил своему счастью, Петронилла была на седьмом небе. Во время венчания в дворцовой часовне королева Алиенора с благодарностью смотрела на мужа, а король с чувством выполненного долга слушал мессу. И поглядывал по сторонам, наслаждаясь ощущением собственного превосходства над другими смертными. Победа оказалась легкой, как перо, случайно упавшее с неба в протянутую ладонь.

Ничто не укололо сердце молодого короля, ничто не напомнило ему предостерегающих слов Сугерия. Лишь голос алчной гордыни, на время пресытившейся, пел ему свою убаюкивающую песню.

Вызов Тибо Шампанскому, одному из крупнейших землевладельцев Франции, был брошен. Звонкая и обидная вышла пощечина! Граф Шампани от ярости задохнулся, когда дорогая его сердцу племянница, упав ему в ноги, рассказала о кознях мужа, которого всецело поддерживали король, а главное – королева.

– Она – ведьма, дядюшка, ведьма! – в голос ревела в объятиях Тибо Шампанского взрослая племянница. – Они околдовали его! Как теперь мне жить?! – Алиенора Шампанская и впрямь была в отчаянии. – Я уйду в монастырь!

Трудно было поверить в услышанное графу Тибо. Незадолго до смерти Людовик Шестой и его Сугерий мирили Шампань и Вермандуа словно для того, чтобы несколько лет спустя юнец не просто рассорил их, а оскорбил одну из сторон – и оскорбил смертельно.

– Что ж, – решил граф, – я выгоню бесов из этой женщины, которая называет себя нашей королевой. Одному мне это сделать не под силу, но я знаю того, кто поможет мне!

Тибо Шампанский взял пару сотен лучших рыцарей и оруженосцев и отправился в Рим.

Через две недели он предстал перед понтификом и кардиналами-епископами в дорожной пыли, злой и жаждущий справедливости. Склонив голову, владетельный сеньор горячо поцеловал милостиво протянутую руку первосвященника и отошел на несколько шагов.

– Ваше святейшество, – встав на правое колено перед Иннокентием Вторым, восседавшим на троне в золотой митре и таких же одеждах, проговорил Тибо. – Взываю к суду Божьему и прошу вас о заступничестве! – Его голос гулко отдавался в парадной зале папского дворца, и каменные лики святых смотрели из ниш и молчаливо внимали оскорбленному графу Шампани. – Идя на поводу у похоти великого сенешаля Рауля де Вермандуа и юной Петрониллы Аквитанской, которой он в отцы годится, король Франции с помощью трех епископов – Ланьи,

Санлиса и Нуайона – расторг законный церковный брак между моей племянницей Алиенорой и названным Раулем, выдумав причину близкого родства. Курам на смех такая причина! – с каждым новым словом становясь все более пунцовым, не сдержался он. – И за всем этим стоит Алиенора Аквитанская, старшая сестра Петрониллы, это она, презрев власть церкви, распоряжается по своему усмотрению душами и судьбами людей честных и богобоязненных!

Горячо и в подробностях он рассказал историю этой связи.

– Помогите нам, ваше святейшество, – закончил он сердечной просьбой. – Восстановите справедливость!

Как и скульптуры святых, старый понтифик внимал графу молча. Затем попросил его подойти.

– Мы выслушали вас, граф, – он вновь протянул руку для поцелуя. – Теперь нам стоит посоветоваться...

В своем кабинете при жарко пылающем камине пожилой первосвященник опустил в свое кресло. Кардиналы выжидали. Папа посмотрел в окно – над древним городом плыли серые облака.

– Рим вопиет от безобразия, чинимого этим юношей, – наконец проговорил Иннокентий Второй.

– Да-да-да, – закивали головами кардиналы.

Только дело было не в одном графе Шампани. Нет! Если бы король Франции захотел переженить одного из своих приближенных и испросил на это позволения Рима, церковь пошла бы у него на поводу. Тем более, у государя Франции – ведь именно короли франков во все века были заступниками Рима.

Но для папы это был не единственный грех молодого короля. Все выходило куда сложнее. Не так давно понтифик столкнулся с преступным упрямством Людовика, и оно до глубины души оскорбило его. Папским престолом на пост архиепископа Буржского был избран Петр де ла Шартр. Прелат приехал на место назначения, где должен был нести службу перед Господом и людьми, но ворота Буржа оказались закрыты! Оказывается, король Людовик Седьмой вбил себе в голову, что он сам должен назначать священников на высокие должности, – и поставил архиепископом своего канцлера, некоего Кадюрка. Ну не наглость ли это, не кощунство ли – вот так взять и плюнуть в сторону Рима?

– Что касается этой девочки, Алиеноры, то она пошла в своего богохульника-деда, – вздохнув, проговорил Иннокентий Второй. – По образу и подобию...

– Да, да, – заключили кардиналы.

Так живо перед глазами понтифика открывались картины последних лет правления Гильома Девятого. Ведь это Трубадур против него, Иннокентия Второго, принимал сторону антипапы Анаклета. Папе уже доносили (по святой части), что молодая королева подбивает мужа к суверенитету от церкви. Как и ее дед, она хочет, чтобы они с мужем сами распределяли епископские места – раздавали их наиболее верным вассалам. Мало римскому престолу германских императоров, которые более века открыто воевали с церковью, желая подавить ее светской властью. Устраивали охоту на пап. Теперь король Франции – туда же!

Воистину это было уже слишком.

– Молодой Людовик поднял чашу, которую не в силах испить, – покачал головой наместник Бога на земле. – Жаль, что он совсем не похож на своего благоразумного и набожного отца. Очень жаль, – понтифик поднял указательный палец. – Позовите ко мне графа Тибо...

Граф Шампани возвращался в свои владения не один – с ним был легат папы римского Ив, кардинал церкви Святого Лаврентия. Легат был наделен самыми высокими полномочиями. При появлении подобных посланников папы все грешники трепещут – потому что, как правило, их судьба уже решена. В апреле, в епископстве Ланьи, на землях Шампани, состоялся церковный собор. На нем легат Ив от имени первосвященника, занимающего престол Святого

Петра, расторг церковный брак Рауля де Вермандуа и Петронииллы Аквитанской и отлучил их от церкви. Также от церкви были отлучены все три епископа – Ланьи, Санлиса и Нуайона, совершившие подлог, а Французское королевство оказалось подвергнуто интердикту. Это означало, что отныне на его территории умолкают колокола, а священники лишаются права вести службу. Для мирян солнце отныне скрывалось за облаками, а на Францию, лишенную милости церкви Христовой, опускался мрак.

Выход был только один – королю необходимо обратить взор к Риму и покаяться в своих грехах.

Вести распространялись хоть и не со скоростью ветра, но шли плотной и ровной волной. Каждому французу, оказавшемуся в беде, хотелось узнать, кто и что является причиной наступившего хаоса. И скоро уже все проклинали красотку-южанку, сбившую их короля с верной дороги и обратившую его на сторону дьявола.

– И ты пойдешь на поводу у папы?! – спрашивала Алиенора во дворце на острове Сите. – Ты позволишь кардиналам управлять собой? Вершить суд на твоих землях? Подчинять себе твоих вассалов? Потакать им в неповиновении своему королю? – Она бросилась на его трон, свернулась на нем калачиком. – Но как после этого ты сможешь называть себя королем? – Алиенора уткнулась лицом в широкие рукава богатого платья. – Скажи, как?!

Молодая королева шла напролом, а куда ей было деваться? Любимая сестра и ее возлюбленный приравнялись к еретикам. Если кому-то из них станет плохо, то несчастному даже откажут в причастии. Поддержавшие их епископы низложены и низвергнуты в прах. И в довершение всего королевство ненавидит ее. Так что же, взять и сдаться? Нет, эта песня была не про нее. Да и поздно было отступать – слишком далеко они зашли...

– Я не знаю, что мне делать, – пробормотал бледный король.

– Ты должен сражаться с ними! – прекратив плакать, твердо сказала она.

Людювик изумленно уставился на супругу:

– С кем – с Римом?!

– Нет, с Тибо Шампанским! Это он воспротивился твоей воле, а ведь во время коронации он присягал повиноваться тебе! Вкладывал свои руки в твои, клялся в верности! Значит, это он – клятвопреступник! Он – причина всех наших бед! И его ты должен наказать!

– Это опасный шаг, – очень серьезно проговорил Людювик. – Я должен услышать совет моих ближайших вассалов и друзей...

– Аббата Сугерия? – усмехнулась королева.

Король опустил глаза.

– Возможно...

Алиенора устремила на него уничтожающий взгляд:

– Иногда мне кажется, что я замужем не за королем Франции, а за священником!

Он гневно взглянул на нее, но она не струсилась, не отвела глаз.

– Ты правильно меня понял, – кивнула Алиенора. – За аббатом Сен-Дени! Если ты хочешь доказать мне, что ты – мужчина и король, так поступай так, как поступают мужчины и короли!

Людювик понимал, что падает в пропасть. Но верить этому не хотел – и потому упрямство становилось его главной стратегией. Он собрал войска и двинулся на Шампань. Но граф Тибо, куда более опытный полководец, оказал ожесточенное и успешное сопротивление. Это взбесило молодого короля, и он поклялся, что огнем и мечом пройдет по его землям. Именно так, ночью, его войска оказались на холмах Фурш, над спящим городком Витри...

...Он смотрел, как вдалеке языки пламени лижут черное небо над городом, пожирая его. А потом возникла эта горящая щепка – городской собор. Сейчас там задыхались от гари более тысячи человек, большинство из которых были женщины и дети. Король знал: они пытаются вырваться наружу, но бревна мешают открыть двери и окна. Они – в ловушке. Их голоса сли-

ваются в один вопль, и он звенящим потоком уходит в черное небо! Людовик хотел закричать, но голоса не было. Он был проклят – Господь отнял у него речь. Но он еще мог смотреть на эту полыхавшую ярким пламенем щепу. И вот уже она разваливалась на части, рушилась, пропадала из виду...

Сейчас там, в пол-лье от холмов Фурш, городской собор не выдержал накала пламени и рухнул, погребая под собой последних горожан, которых не успели вырезать солдаты короля. Останки тысячи трехсот человек были похоронены под раскаленными кирпичами и полыхающими балками...

Уже около часа король сидел в седле боевого коня неподвижно. Конь тряс головой, нетерпеливо бил копытом, но Людовик словно превратился в камень. Вельможи наконец решились окликнуть его. Но он по-прежнему молчал. Тогда они направили коней к своему сюзерену...

Король был не только безмолвен – его глаза ослепли. Или просто были безумны?

– Ваше величество, – дотронувшись до его локтя, тихо проговорил Рауль де Вермандуа. – Государь...

Но и теперь Людовик не откликнулся. Его сняли с лошади и понесли в походную палатку. Глаза короля были пусты, губы дрожали – его бил озноб. С короля сняли доспехи, уложили на шубы, укрыли теплыми плащами. С ним пытались заговорить, но он не откликался. Ординарцам удалось влить ему в рот немного горячего вина. Только после этого он едва слышно прошептал:

– Прошу вас, оставьте меня... Все.

А тем временем город Витри выгорал дотла...

Трое суток Людовик Седьмой лежал в походной палатке – он не вставал, не шевелился, никого не звал. Вокруг палатки разожгли костры, чтобы королю было теплее. Иногда к нему заходили, но только для того, чтобы справиться, в сознании ли он.

По истечении трех суток в палатку короля вошел его младший брат Роберт, только что прибывший из своего лагеря. Людовика трудно было узнать – он выглядел смертельно бледным. Под глазами пролегли глубокие тени – всем обликом он походил на человека, уходящего из этого мира. Тем не менее в больных глазах его появился разум и затеплилась жизнь. Не сразу, но он встретился взглядом с младшим братом.

– Где наши войска? – спросил король.

– Они ждут твоего приказа, Людовик, – брат опустил перед ним на колени. – Поправляйся, мы любим тебя.

В этот день король попросил принести ему немного мяса, смоченного в вине, и хлеба. Со следующего дня он медленно, но верно пошел на поправку. Война в Шампани продолжалась, но уже без той неистовости, которая была вначале. Вскоре молодой король занял Шалон, за ним Реймс. Здесь, в древнем городе святого Хлодвиг, где по обычаю короновали французских королей, он решил сделать передышку...

2

Писарь обмакнул гусиное перо в чернильницу – он был готов в любое мгновение продолжить начатое письмо. Но пауза оказалась долгой. Затаив дыхание, обратившись в слух, писарь с трепетом взглянул на того, под чью диктовку скорописью выводил латинские буквы... В монастырской келье, спиной к писцу, стоял высокий статный мужчина в грубой рясе. Стоял, скрестив руки на груди. Широкоплечий, с короткой стрижкой, мужчина скорее был похож на воина, чем на монаха. Но тем сильнее звучала его внутренняя сила. Перед ним было распахнуто узкое слюдяное окошко, за которым вступала в свои права весна. Там пробивались почки на деревьях и ярко светило солнце...

Тридцать лет назад этот человек, происходивший из бургундской знати, начал свой великий путь подвижника и пастыря – в грубоотканой шерстяной рясе, подпоясанный простой бечевой, в сандалиях на босу ногу. Он во всем хотел походить на тех двенадцать человек, что следовали за Спасителем по дорогам Святой земли. За эти годы он сделал так много для духовной жизни своего времени, что все заслуги его перечислить казалось просто невозможно. Он основал монастырь цистерцианцев в Клерво, где служили Господу более пятисот монахов, и более ста его филиалов по всей Европе. Он писал книги и ездил с проповедями – укреплять веру там, где это было необходимо. Он стал глаголом своего полуварварского времени. Его приглашали улаживать политические конфликты первые феодалы Европы, императоры и короли. Его слову верили безоговорочно. Все, сказанное им, становилось законом. Он был автором строгого и целомудренного устава тамплиеров, первых защитников христиан на Востоке, а его дядя был одним из первых девяти рыцарей, основавших орден Храма. Рим нарадоваться не мог на такого помощника, хотя иногда и ревновал к нему свою многочисленную паству.

В келье настоятеля Клерво стояли только стол и стул, где сейчас и приготовился продолжать работу писец. Не было даже постели – худой соломенный топчан лежал вдоль одной из стен.

– Продолжай, – не оборачиваясь, наконец проговорил священник. – Видя, Людовик, что вы не перестаете свирепствовать, я начинаю сожалеть о том, что прежде всегда приписывал ваши поступки неопытности, связанной с вашей юностью. Теперь же я решился, в меру своих слабых сил, сказать вам всю правду. Я заявляю во всеуслышание: вы множите убийства, разжигаете пожары, разрушаете церкви! Вы изгоняете бедняков из их жилищ! А значит, перед лицом всего мира вы уподобляетесь грабителю и разбойнику!...⁵ Ты успеваешь, послушник?

– Да, ваше преподобие.

– Хорошо, – настоятель Клерво глубоко потянул носом свежий весенний ветер, прянувший в узкое монашеское окошко, наполнив им широкую грудь князя церкви. – Пиши далее...

В занятом королевскими войсками Реймсе, во дворце, Людовик неверной рукой принял свиток, скрепленный сургучом и печатью знаменитого аббатства. Он встал с кресла и прошелся по кабинету. Дерзкая мысль посетила его: не распечатывая, бросить свиток в огонь! Но еще недавно пылающая гордыня молодого короля ныне обернулась остывающими углями. Как раз тем, во что превратился городок Витри. Упав с обрыва и пролетев через бездну, Людовик сейчас лежал на дне холодной пропасти – разбитый, поломанный, один-одинешенек.

Он прошелся со свитком по убранным покоем, сорвал печать и развернул письмо. Строки быстро пролетали перед глазами, сеча их...

«Грабитель и разбойник!» Вот наконец-то и назвали его тем именем, которое он заслужил по праву. И с которым спустится в ад...

«Знай же, Людовик, – дочитывал он письмо, – что вам недолго оставаться безнаказанным. Я говорю с вами сурово, потому что боюсь, как бы вас не постигла еще более суровая кара. – И далее стояла подпись, которую так хотелось избежать взгляду венценосца. – Бернар Клервоский».

Руки молодого короля безжизненно опустились вниз. Это был последний и самый сильный голос, повергающий виновного наземь. Ему наступили на грудь и пригвоздили к тверди копьем, точно змея. Рим заботился о выгоде: ставить своих епископов, женить и разводить по своей прихоти, значит, управлять сердцами и волей людей. Но Бернару ничего не было нужно от него, Людовика. Кроме истины и раскаяния. Аббат Клерво просто служил Богу, и служил беззаветно.

⁵ Здесь и далее приведены подлинные строки из обличительного письма Бернара Клервоского – Людовику Седьмому. Письмо датируется 1143 годом. Публикуемые в романе отрывки из папской буллы, речи святого Бернара, канцоны трубадуров и другие литературно-исторические документы за небольшим исключением являются подлинными средневековыми текстами, адаптированными для современного художественного произведения.

Богу, о котором он, король Франции, давно забыл.

На следующий день Людовик Седьмой объявил, что покидает армию. Препоручив войска своему брату Роберту, наказав как можно скорее закончить войну, Людовик с небольшим отрядом рыцарей и ординарцев отбыл в Париж.

3

Во дворце на острове Сите полководца встретила любящая жена. Она была тише воды, ниже травы. Ей уже донесли о духовном срыве мужа, о том, что он едва не скончался в этом походе. Королева даже собиралась ехать к нему, но не решилась. Сердце щемило от собственной вины – не из камня же оно было, наконец! Алиеноре стало ясно: капризы ее больше не пройдут. Но она и сама устала от них. Петронилла лишилась любимого мужа? Что ж, ее старшая сестра сделала для младшей все, что могла. Поставила на карту свое благополучие. Рассорила с мужем Церковь. Да что там с мужем – со всем королевством! Разве этого мало? Пора было думать о себе, о своем будущем...

В тот день король спрыгнул с коня, сбросил плащ на руки ординарцам и долго смотрел на нее. Алиенору насторожил его пронзительный взгляд – было в нем что-то новое, незнакомое ей. Людовик изменился. Он сильно похудел. Щеки его впали. Остались одни глаза. Людовик напомнил ей того юношу, которого она впервые увидела шесть лет назад в Бордо у храма Святого Андрея, в окружении пышной процессии. И все-таки что-то чужое появилось в нем, недоступное ей.

– Здравствуй, милая моя королева, – хрипловатым голосом сказал он. – Я скучал по тебе...

Под прицельным взглядом вельмож и рыцарей она поклонилась:

– Добро пожаловать, мой король.

Людовик обнял ее, но не было пламени в этом объятии, как прежде.

Они простили друг другу это затмение сроком в шесть лет. Этот черный сумрак, охвативший их души. Она вела себя так, точно политика – нечто чуждое и враждебное ей. Алиенора слова не сказала, когда на Королевском совете, к всеобщей радости, вновь появился Сугерий. И промолчала, когда для нее случилась воистину катастрофа.

В один из вечеров Людовик вышел на галерею, проходившую над большой залой дворца. Внизу лопотали фрейлины королевы, теребили струны виол и крут менестрели и пел одну из своих песенок трубадур Маркабрюн. Алиенора полулежала на топчане, ярко одетая, сверкая дорогими камнями на пальцах, ожерельями на скрытой парчой высокой груди и золотыми нитями в ярких волосах.

– Я хочу, чтобы вы замолчали! – громко проговорил Людовик с галереи. – Замолчали все! Вы, вы и вы, – он по очереди ткнул пальцем в несколько групп музыкантов. – А вы, – король указал на гасконца, – в первую очередь!

Маркабрюн побледнел, отложил виолу и встал. А Людовик уже быстро спускался с галереи вниз – в замершую залу. Привстав, Алиенора с тревогой смотрела на приближающегося мужа. После истории с городком Витри, молва о которой пролетела по всей Европе, она стала опасаться супруга. За маской робкого мужа где-то очень глубоко крылся свирепый и жестокий зверь. И необузданная свирепость его готова была превратиться в неистовство, если не в безумие.

– Мы – грешники, и нам надобно пребывать в смирении и страхе перед Господом! – Людовик уже стоял в середине залы. – Вы живете так, точно будете пребывать на этой земле вечно! За приятной болтовней и аккордами ваших сладкозвучных инструментов! Но этому не бывать, и вы – слепцы, если не понимаете этого! Что вы скажете Господу, когда он призовет

вас, покажете эти струны?! Пролопочете несколько ваших дешевых канцон?! Или попытаетесь отболтаться вашими пустыми куртуазными словечками?! Не выйдет!

Он подошел к одному из онемевших менестрелей, выхватил у него из рук виолу и с чрезвычайной силой рванул струны – и тотчас схватился за окровавленные пальцы. Менестрель от страха едва не свалился без чувств. Но, хотя Людовику и было больно, он, сжимая руку в кулак, все же уловил язвительную улыбку на губах Маркабрюна.

– А вы, певец рыцарей и пастушек, отправляйтесь обратно в Бордо, там ваши песни более уместны!

Алиенора поспешно встала с топчана, шагнула к мужу:

– Людовик, ваше величество...

Но он даже не услышал ее. Шуту хватило наглости смеяться над королем? Но разве шуту неизвестно, что короли смеются последними?

– И я надеюсь, что никогда более не увижу вас в Париже, – все еще сжимая руку в кулак, он сделал несколько шагов прочь и тотчас обернулся. – Чтобы завтра же духу вашего не было во дворце! В Париже!

Людовик ушел, а в зале еще долго стояла мертвая тишина, пока один из менестрелей не уронил по неловкости тамбурин и тот не зазвенел отчаянно и печально.

Маркабрюн уехал. Алиенора плакала. Но суровая жизнь была только впереди. Людовик Седьмой, мрачающий день ото дня, запретил пиры, музыку и танцы. Теперь только молитвы о спасении души должны были звучать под дворцовыми сводами на острове Сите.

Но это было не самое худшее, что могло приключиться с Алиенорой. Уже давно она слышала шепот, преследовавший ее везде – во дворце, на охотах, во время путешествий.

«Господь не дает им ребенка за их грехи!» – клубком змей расплзался шепот по коридорам дворца Сите.

«Господь не любит и отвергает их!» – зло несло по кварталам Парижа.

«Господь карает их за гордыню!» – грозно аукалось эхо по всем провинциям Франции.

Раньше она была слишком увлечена государственными делами, чтобы думать об этом. И потом – какими были ее годы! Их поженили совсем еще детьми. Но теперь, утомившись, Алиенора все чаще приходила к заключению: если у них с Людовиком не будет детей, их брак обречен. Они могут прожить еще несколько лет, но однажды вассалы короля скажут ему: «Нам нужен наследник! Приведите в дом женщину, государь, которая подарит вам сына, а королевству – будущего государя! Или хотя бы наследницу-дочь. Мы должны знать, что королева способна породить новую жизнь!» И они будут правы – таков закон королевского правления. Даже папа римский, глазом не моргнув, разведет пару, обреченную на бездетность: королевский брак, лишенный потомства, по законам Церкви неугоден Богу!

После одного из заседаний Королевского совета Алиенора, отразив на лице все смирение, на которое только было способно ее гордое сердце, подошла к настоятелю Сен-Дени.

– Отец Сугерий, – она склонила голову перед человеком, которого не любила и прежде осыпала насмешками. – У меня есть к вам просьба, которую можете выполнить только вы...

– Я внимательно слушаю вас, ваше величество, – поклонившись молодой женщине, своей госпоже, откликнулся аббат.

– Все то страшное, что произошло за последние годы, разбивает мое сердце...

Сугерий поднял на королеву глаза – он не был расположен верить ее словам. Слишком хорошо он знал им цену!

– Так вот, – продолжала она, – я прошу вас устроить мне встречу с тем, чья божественная миссия на земле выше всяких похвал... Я говорю о вашем учителе Бернаре Клервоском. От этого зависит моя жизнь, жизнь моего мужа и наше с ним счастье...

Только тут аббат Сугерий ощутил, что, возможно, он ошибался. И некий порыв, светлое движение все же случилось в душе юной разрушительницы.

На 11 июня 1144 года было назначено открытие хоров новой монастырской церкви, той самой, строительству которой отец Сугерий отдал все свое сердце. Празднества должны были продлиться трое суток. По этому случаю весь Париж двинулся по северной дороге в сторону Сен-Дени. И не только Париж – из многих областей Иль-де-Франса сюда шли люди. Дорога была запружена, в предместьях Сен-Дени люд попроще, кому были заказаны места в монастырской церкви, расставлял палатки. Все надеялись услышать пение ангелов и вкушать дармовой пищи.

За день до начала сюда двинулся и король Франции. Зрелище, которое он представлял собой, было не из легких – он шел в сером рубище и сандалиях странника. Каждому было ясно, что король кается в содеянных грехах и желает скорейшего искупления. Его сопровождали епископы в золотых митрах, пышная рыцарская свита, разодетая, как всегда, ярко, и супруга в платье из голубой парчи и жемчужном венце. Она хоть и тоже каялась, но не могла позволить себе одеться подобно мужу.

В новом соборе Сен-Дени хлопотал Сугерий – он был инициатором действия, его хозяином и распорядителем одновременно. Он сам рассказывал именитых гостей, аристократов и князей церкви, прибывавших в окружении своих подданных. На открытие хоров из-за Ла-Манша приехал епископ Кентерберийский, с юга Франции, из Бордо – Жоффруа дю Лору, семь лет назад венчавший Людовика и Алиенору.

Гостей поразили огромные витражные окна, пропускавшие и преломлявшие свет в соборе; золотой крест шестиметровой высоты над алтарем, сверкавший драгоценными камнями и жемчугом, и, конечно, хор из нескольких сот священников. Поистине сердца гостей открывались навстречу Господу.

Когда священники отправились за ковчегом с мощами святого Дионисия, Людовик вызвался сам нести останки покровителя короны Франции и ее народа. А перед этим вместе с простыми сержантами сам расчищал путь для процессии.

Сугерий, стоя рядом с Жоффруа дю Лору, прослезился:

– Никогда я не видел более волнующей и торжественной процессии, чем эта! Посмотрите на людей, ваше преосвященство! Какая высокая радость охватывает их при виде короля, которого коснулась десница Божья! Воистину свершилось великое благо!

Король в рубище, измотанный постами, вцепившийся в ковчег с мощами святого, тронул сердца многих. Половина гостей из простых сословий тоже плакала. Одним словом, три дня прошли под Божественным покровительством, и все остались довольны.

Но Алиенору в эти дни занимало вовсе не роскошное убранство церкви, не ангельское пение и тем более не блаженный муж, а предстоящая встреча, которую ей пообещал Сугерий.

И когда праздник закончился, аббат Сен-Дени лично вызвался проводить ее к своему наставнику, который приехал по его просьбе.

Встреча состоялась в келье аббата Сен-Дени. Сугерий негромко постучал и осторожно открыл дверь. Алиенора увидела стоявшего у окна, к ним спиной, высокого широкоплечего мужчину. Серая ряса, бечева вместо пояса, простые сандалии. Рыжие, наполовину седые волосы были коротко подстрижены. Не таким она представляла себе этого грозного князя церкви, но именно таким, вопреки ее фантазиям, он и должен был оказаться.

– Ваше преподобие, – совсем тихо окликнул его маленький Сугерий. Аббат Сен-Дени не просто преклонялся перед своим учителем, который был на десять лет моложе его. Когда-то, осененный святым словом Бернара Клервоского, он простился с прошлой своей жизнью – отказался от мало-мальски возможной роскоши и доброй пищи. Как и его учитель, он жил в келье, спал на соломенном топчане, ел только для того, чтобы сохранять жизненные силы. Но

именно это превращение и вдохнуло в Сугерия необыкновенную силу воли, мужество и всеми признанную мудрость. – Ваше преподобие! – чуть громче, все тем же шепотом, повторил он.

Бернар Клервоский обернулся – и Алиенора оторопела. Она еще ни разу не видела такого вдохновенного и озаренного внутренним светом лица. В молодости Бернар слыл писаным красавцем. И о нем говорили, что, останься он в миру, то стал бы опасен для него куда больше, чем мир для него. Но Господь призвал его стать избранным – и Бернар стал им. Он сохранил внешнюю красоту, но отныне она стала иной. Такими бывают ангелы, милостивые и карающие, что иногда приходят на землю. Его глаза пылали – он еще не произносил ни слова, а оторопь уже брала людей, приходивших к нему. Современники говорили о нем: «Он – воплощенный Глас!»

– Вы просили со мной встречи, королева, – сказал Бернар Клервоский и взглянул на Сугерия.

Тот понимающе кивнул и, легонько подтолкнув Алиенору, боявшуюся и шага сделать, выскользнул из собственной кельи и тихонько прикрыл за собой дверь. Алиенора, у которой кружилась голова, сделала скромный реверанс. Опустив глаза, она подошла к цистерцианцу и поцеловала протянутую ей тонкую и сильную руку.

– Да, ваше преподобие, – тихо сказала она. – Я искала встречи с вами...

– Тогда я слушаю вас.

Когда-то ему уже предстояло столкнуться с семьей герцогов Аквитанских. В одном их храмов Парtene Бернар обвинял отца Алиеноры за распутство и грозил отлучить его от церкви. Гильом Десятый, находясь в полном вооружении, вытащил из ножен меч и пошел на прелата. А тот, глазом не моргнув, двинулся на него, но его оружием была дароносица и облатка в руках. А еще – огненный взгляд. И тогда герцог, замедлив шаг, не в силах отвести взгляда от глаз Бернара Клервоского, выронил меч, рухнул к ногам монаха и зарыдал. Свидетели этой сцены были поражены до глубины души. А теперь перед святым отцом предстала дочь Гильома Аквитанского, дурными слухами о которой давно полнилась вся Европа.

– Говорите же, королева, – требовательно сказал он.

Она подняла на него глаза и выдержала этот пронзительный и выжидающий взгляд.

– Я грешна, ваше преподобие, – твердо сказала она. – Я очень грешна. Семь лет я уже королева Франции, но не могу иметь детей. А я так хочу быть матерью! Но одно меня гложет – Господь отвернулся от меня. Это Его наказание. Я прошу вашего заступничества, прошу всеми силами своей души...

Она опустила голову. Их разговор продолжался недолго. И в конце его Бернар Клервоский, немного смягчившись, сказал:

– Все в ваших руках, Алиенора. Стремитесь к миру в вашем королевстве, и обещаю вам, что Господь в своем милосердии даст вам то, о чем вы просите.

Обладая даром пророчества, Бернар Клервоский сумел заглянуть в будущее. Первый шаг был сделан: Людовик публично раскаялся и отыскал в своей душе мир и покой; королева наступила на горло собственной песне и вытравила, хотя бы на время, спесь и гордыню из юного сердца.

И судьба их страны стала меняться на глазах...

Бернар и Сугерий вновь помирили Людовика Седьмого с Тибо Шампанским. И королю, и владетельному графу был выгоден этот мир, поэтому оба сеньора пошли на него с охотой. Также прелаты помирили Людовика и с хозяином Тулузы Альфонсом-Иорданом. В начале 1145 года на престол святого апостола Петра сел новый папа – Евгений Третий, всем на удивление выбранный из простых аббатов, ученик все того же Бернара Клервоского.

К нему Людовик и направил свои королевские стопы.

– Прошу вас заступиться за меня перед Господом, – встав на одно колено перед понтификом, бедно одетый и бледный лицом, проговорил король.

Это уже был совсем другой молодой человек – гордыня, точно злой дух, покинула его. Преображение молодого Капетинга казалось налицо.

– С возвращением в лоно церкви, сын мой, – миролюбиво сказал Евгений Третий. – Да пребудет с вами Господь.

Положение понтифика на апостольском троне было шатким. Подогреваемый германской политикой, Рим бунтовал против пап, желая лишить первосвященников светской власти, и потому возможное заступничество короля Франции римской курии было просто необходимо. Интердикт с Франции был снят, вновь забили колокола в Иль-де-Франсе и других провинциях, подчинявшихся Людовику Седьмому.

Но главной радостью короля было то, что счастливая королева уже ходила с огромным животом и в скором времени надеялась разрешиться от бремени маленьким наследником престола. Одним словом, король усердно собирал камни, которые еще так недавно отчаянно разбрасывал вместе со своей супругой. Вся Франция видела это и радовалась за образумившихся молодых венценосцев. Больше других радовался Сугерий, вознося в новом храме Сен-Дени молитвы за своего ученика: наконец-то Господь повернулся лицом к неразумному своему чаду.

На фоне светлой полосы, в которую вступала Франция, печальное известие, пришедшее со Святой земли, поначалу оказалось второстепенной важности. Говорили, что на Востоке появился новый предводитель мусульман – злой и опасный Зенги из рода Атабеков, эмир Алеппо и Мосула. О его ненависти к христианам по Святой земле уже давно ходили легенды. А что самое печальное, 24 декабря 1144 года этот Зенги занял графство Эдессу и безжалостно вырезал все христианское население.

Но для Людовика Седьмого и его королевства это известие, дошедшее эхом, было пока что ложкой дегтя в бочке с медом.

Часть вторая. Манящая звезда Востока

Глава первая. Папская булла

1

Город-крепость Витербо, окруженный мощными стенами и башнями, находился в предместьях Рима и слыл излюбленной резиденцией многих пап. Витербо поднимался в живописнейшем месте – под ясным и теплым небом Италии в долине Арниона, среди лугов, оливковых рощ и минеральных источников, у подножия древнего потухшего вулкана Монте-Чино.

Тут папы скрывались от мятежей или войн. Именно так поступил и Евгений Третий, сбежав от греха подальше из беспокойного Рима.

Сюда в ноябре 1145 года, лишь через год после взятия Эдессы, приехали послы от двух христианских государей Святой земли – от короля Иерусалима Фулька Анжуйского и князя Раймунда Антиохийского, любимого дяди королевы Алиеноры.

Послы в подробностях рассказали о бедствиях, обрушившихся на Святую землю. Осада Эдессы продолжалась 28 дней, затем войска Зенги ворвались в город, и началась резня. Она шла с утра до трех часов дня. Воины полководца, прозванного Кровавым, устраивали охоту за людьми – они резали защитников крепости, как животных. Погибали все – епископы и монахи в первую очередь, потому что Зенги первый из мусульманских правителей объявил священную войну, джихад, всему христианскому миру. Воины Зенги оставили только часть молодых женщин, что были особенно хороши собой. А вечером они устроили пир, который превратился в оргию. В эту ночь священные сосуды из храмов Эдессы послужили для испражнений ненасытных воинов Зенги. Уцелевших женщин после страшной ночи утром распродали на главной площади города.

Евгений Третий, ученик Бернара Клервоского, со скорбью выслушал трагическую весть. Тем более Зенги продолжал свирепствовать, и трем небольшим христианским государствам – Иерусалиму, Триполи и Антиохии, оторванным от религиозной митрополии, было не под силу справиться с ним.

– Мы просим вас, ваше святейшество, – смиренно проговорил епископ Джабалы, возглавлявший посольство, – принять все меры к тому, чтобы победоносная храбрость франков защитила восточные владения графов и виконтов от новых нападений!

Под смиренными взглядами послов из Палестины понтифик, в тяжелой золотой митре, опираясь на золоченый в камнях посох, встал со своего трона.

– Христианский мир не оставит без защиты своих верных детей, – уверенно сказал он. – Поезжайте к вашим государям и сообщите о моей воле. Да пребудет с вами Господь!

Трагедия в Эдессе подвинула понтифика на самый решительный шаг. Пятьдесят лет назад папа Урбан Второй призвал христианское сообщество освободить Гроб Господень. Он же, Евгений Третий, закрепит волю церкви буллой – документом, который заставит каждого христианина, способного держать в руке меч, идти в Иерусалим.

Послы отбыли, и папа сел за работу. Но еще раньше у него созрел воистину гениальный план. Ему нужно было найти двух людей для святого дела. Того, кто устремился бы по дорогам Европы, проповедуя крестовый поход; и другого, кто объединил и возглавил бы могучее войско. Первый должен обладать великой духовной властью, второй – не менее значимой властью

светской. Папа не сомневался: Бернар Клервоский с радостью выполнит Божью волю и свое предназначение проповедника. Но кто будет вторым и возглавит князей светских?

Ответ пришел быстрее, чем думал Евгений Третий.

Шкодливого мальчишка Людовик возмужал и встал на путь истинный: как и до женитьбы, он стал ревностным поборником веры Христовой. Настоятель Клерво отец Бернар писал в Рим, что Людовик Французский чувствует за собой вину за сожженный город Витри и другие проступки и от всей души хочет искупить ее. К тому же Людовик стал отцом и справедливо видит в этом милость и расположение к нему Господа. «Он чувствует себя должником? – думал папа. – Прекрасно. Это значит, что сердце молодого короля готово к подвигу».

1 декабря 1145 года понтифик подписал первую в истории буллу, в которой не призывал, а повелевал идти войной на свирепый мусульманский мир. Тотчас исторический документ был размножен, и папские легаты отплыли на юг Франции, откуда далее поспешили в Париж и Клерво.

2

В предместьях Парижа двор французского короля охотился на оленей. Копыта быстрых коней вырывали мокрый снег вместе с жухлыми листьями и землей, трубили рога охотников. Весело заливались лаем псы, рыская по округе. Алиенора, прирожденная охотница, в меховой шапке и горностаевой шубке, стянутой на талии широким ремнем, с кинжалом у пояса, как всегда, была первой из первых. Она была из лука похлеще иных стрелков-мужчин! Одного из оленей, крупного самца, она подстрелила сама и, как всегда, – одной-единственной стрелой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.